

Серж Запольский
Нина Запольская

Тайна испанского манускрипта

Достояние Англии. Книга 1

18+

Достояние Англии

Нина Запольская

Тайна испанского манускрипта

«Автор»

2018

Запольская Н.

Тайна испанского манускрипта / Н. Запольская — «Автор»,
2018 — (Достояние Англии)

Для влюблённых в море, готовых идти на Тортугу за золотом конкистадора Диего де Альмагро. Старинный манускрипт становится причиной загадочных убийств, зловещих заговоров и разбитых сердец. Четыре отважных джентльмена пускаются на поиски сокровищ, но не сокровища здесь главное. Двенадцать роковых координат, чей центр – Бермудский треугольник, разбросаны по всей Атлантике. И в каждой экспедиции, на суше и на море – новые враги, новые друзья и новая любовь. Первая книга из роман-серии "Достояние Англии" (шесть книг) о приключениях капитана Линча. Основано на реальных событиях из дневниковых записей английских путешественников XVIII века.

© Запольская Н., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Шхуна входит в бристольский порт, или мистер Трелони убит	7
Глава 2. Капитан огорчает дам	19
Глава 3. Томас находит странный предмет	31
Глава 4. Звуки музыки над гаванью	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Нина Запольская, Серж Запольский

Тайна испанского манускрипта

Пролог

Капитан толкнул дверь и вошёл в офис.

Офис был небольшой, самый обычный, с арендованной дешёвой мебелью, кулером для воды, принтером и фикусом у окна. За единственным столом сидел молодой человек в старинной униформе клерка: чёрный берет с вороновым пером, надвинутый на ухо, чёрный жюстокор, чёрная шпага на чёрной перевязи.

– Сюда ли я попал? – спросил капитан и, помолчав, добавил: – Я недоволен своей жизнью.

– Да-да, это к нам, – быстро, услужливо проговорил клерк, поднимаясь из-за стола и делая несколько шагов навстречу.

Он ослепительно улыбнулся: во рту его засверкали, заискрились все зубы, они переливались огнями, пульсировали электрическими всполохами, сияли жемчужными оттенками... «Молодой человек следит за модными веяниями», – подумал капитан и застыл на пороге в нерешительности.

Клерк приглашающе простёр левую руку по направлению к креслу, стоящему у стола. Другую он согнул, словно намереваясь поддержать капитана под локоть, но делать этого не стал, а вернулся на своё место. Капитан прошёл к столу, кинул бостонский макинтош на подлокотник кресла и сел, привычным движением подёрнув брюки на коленях. Потом он медленно, по одной, расстегнул анодированные пуговицы на своём форменном пиджаке, поправил рукава с жёлтыми галунами и только тогда оценивающе посмотрел на клерка.

Тот спросил, приглашая к разговору:

– Вы никогда раньше не пользовались услугами нашей фирмы?

– Не доводилось. Но, видите ли... Я – олибмен, – ответил капитан и пояснил на всякий случай: – Мне иногда в голову приходят странные мысли. Совершенно не свойственные мне мысли, и я сразу понимаю, что они не мои.

Клерк понимающе кивнул и улыбнулся – зубы его опять сверкнули. Затем глаза клерка вдруг подёрнулись мутью, и он стал проговаривать быстро, хотя внятно:

– Обмен жизней в девяносто процентов случаев оформляется при помощи сделок купли-продажи. Если вы хотите обменять свою жизнь, чтобы получить жизнь меньшей продолжительности с доплатой или, наоборот, улучшить качество и продолжительность своей жизни, воспользуйтесь услугами компании «Фауст». За время работы мы накопили значительный опыт и сформировали обширную базу данных для обмена жизней. После анализа рыночной ситуации, учитывая ваши пожелания, наши специалисты подскажут, как правильно обменять вашу жизнь на другую без риска и с наибольшей выгодой...

– Я всё это уже читал, – жестом остановил его капитан и замолчал.

Какое-то время они настороженно смотрели друг на друга.

– Главный недостаток сделки на основании договора обмена жизней, особенно если проводить её своими силами – это сложность подбора хорошего варианта, – опять заговорил клерк.

– Я это всё понимаю, – перебил его капитан. – Я, как раз, готов продать свою жизнь...
Навсегда.

Он откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу. Клерк смотрел на него во все глаза. Капитан молчал: от появившегося вдруг мучительного осознания скорой гибели у него стали неметь губы.

В офисе ощутимо застыла тишина. Клерк тоже откинулся на спинку стула и смотрел на капитана, полуприкрыв глаза.

Наконец, капитан произнёс:

– Я хотел бы приобрести жизнь из будущего.

Брови клерка взлетели вверх, глаза изумлённо округлились. Он хотел ответить, но замялся, воровато глянул куда-то в сторону и прошелестел тихо, одними губами:

– Но, видите ли... Это не совсем законно.

– Мне это известно, – с нажимом, но тоже тихо ответил капитан. – Мне даже известно, что это совсем не законно... Но я хорошо заплачу вам.

Он, в упор глядя на клерка, сложил пальцы рук домиком, потёр указательными пальцами переносицу, растянул рот в улыбке и проснулся...

Глава 1. Шхуна входит в бристольский порт, или мистер Трелони убит

Ранним апрельским, ничем не примечательным утром 1738 года в бристольскую гавань вошла шхуна «Архистар».

Шхуна встала на рейде среди других кораблей, и её матросы тяжело, рывками затопали вокруг шпиля, отпуская якорный канат. Конечно, если бы человечество знало, какое влияние на его историю окажет прибытие «Архистар», открывшее собой череду смертей и приключений длиной в целую жизнь, то встречать шхуну в порт, разумеется, прибыли бы хроникёры от местной газеты, а, может быть, даже от лондонской. Сейчас же из посторонней публики корабль ожидали только мальчишки: эти быстроногие оборвыши встречали в порту каждый корабль в надежде заработать пенни.

Суматоха по разгрузке шхуны продолжалась весь день. Матросы таскали ящики с места на место, шлюпка то и дело привозила на берег новый товар, слышались крики, команды, изредка раздавалось дружное ритмичное пение. Почти все портовые мальчишки разбежались с поручениями, с трудом пробираясь сквозь толпу, теснившуюся на пристани среди тюков и фургонов. Скоро матросы, получившие расчёт, потянулись кто – домой, кто – в таверну, а кто – в бордель. День угасал, но на шхуне кроме вахтенных оставался ещё капитан.

Капитан «Архистар», молодой человек лет двадцати пяти, роста был скорее среднего, ближе к высокому. Поджарый, жилистый, широкоплечий, он производил впечатление сжатой пружины. Глаза его, с воспалёнными сейчас от недосыпания и морского ветра веками, особенно выделялись на смуглом лице, поражая голубизной до оторопи: ну, не могут люди иметь глаза такого цвета. Двигался по палубе он мягко, с особенной морской грацией.

В силу простого происхождения капитан не носил парик, и его гладкие светлые волосы сзади стягивались в обычный для моряка хвост, а брови, выгоревшие, как и ресницы, в южных морях, ложились над глубокими глазными впадинами белёсыми дугами. В общем, капитан «Архистар» красавцем не был. Звали его Дэниэл Линч. Полным именем Дэниэл Джозеф, данным ему при рождении, его никто не называл.

Сейчас капитан легко сновал по палубе, время от времени поглядывая в сторону пристани: он ждал владельца корабля, но тот, уже давно извещённый о прибытии «Архистар», задерживался. Наконец, ближе к вечеру, на борт не без труда поднялся владелец шхуны Джон Трелони, сквайр – высокий дородный мужчина более шести футов¹ ростом, с толстым суровым лицом, в дорогом парике-аллонж. Его чёрные подвижные брови и выпуклые умные глаза выдавали не злой, но явно властный и вспыльчивый нрав. Джон Трелони обменялся с капитаном рукопожатием и сразу прошёл с ним в его каюту.

– Ну, что? – приглушённо спросил мистер Трелони, едва разворачиваясь в тесноте каюты и вглядываясь в полумраке в лицо капитана. – Привезли?

– Да, сэ, – с готовностью ответил тот.

Капитан достал небольшой свёрток, развернул его и протянул мистеру Трелони шкатулку – по виду самую обыкновенную, деревянную, без каких-либо дорогих деталей. На верхней доске этого скромного ящичка среди простой геометрической резьбы виднелось пыльное углубление, как будто изначально предназначенное для камня неправильной округлой формы, который потом выпал.

Мистер Трелони жадно схватил шкатулку и потряс – внутри глухо застучало.

¹ Фут – 30,46 см

– Ах, капитан Линч, как я вам благодарен! – вскричал он. – Вы меня просто вернули к жизни!

Тут, спохватившись, он посмотрел на капитана и настороженно спросил:

– Всё обошлось без сложностей?

– Почти, сэр, – ответил капитан. – От испанских кораблей я чудом увернулся... Шкатулку принёс посылынный. Но на обратном пути чуть не вспыхнул мятеж. Почему-то кое-кто из команды мечтал завладеть шкатулкой.

– И что? – вскричал сквайр, выпуклые глаза его потрясённо выкатились.

– Я приняли меры, сэр, – коротко ответил капитан.

Мистер Трелони опустил глаза и кивнул, будто своим мыслям.

– Отлично, отлично, – пробормотал он, задумчиво поглаживая шкатулку, потом сказал, словно решившись: – А знаете, капитан Линч? Подержите-ка эту вещицу у себя ещё немного. Я что-то боюсь брать шкатулку с собой на ночь глядя... И принесите её ко мне завтра к обеду. Вы же ещё не знакомы с моей дочерью?

Тут он впервые позволил себе улыбнуться.

– Не знаком, сэр, – подтвердил капитан.

– Ну, так, и приходите, – сказал мистер Трелони.

И, поговорив немного о делах, джентльмены попрощались.

Под утро, ещё было темно, капитан увидел сон.

Снился ему незнакомый господин, которого звали Хипстер: это капитан знал почему-то совершенно определённо. И вот этот Хипстер с чудной, странно выбритой бородкой, одетый в брендовый кардиган и креативно-рваные джинсы, стоял, как бы даже ногами не опираясь, на ребристой серой узкой лестнице, медленно ползущей вверх, и буравил капитана тяжёлым взглядом. Потом криво ухмыльнулся и сказал:

– Пришло твоё время. Ты должен сделать это. Иди!

Сон был такой яркий, что капитан в испуге проснулся. Он ошарашенно полежал, обдумывая увиденное: ему приснились предметы, название и назначение которых он определённо знал во сне, но по мере пробуждения воспоминания эти отодвигались от него всё дальше и дальше. Полежав так какое-то время, капитан повернулся на другой бок и пробормотал:

– Ну, конечно... Сейчас я пойду неизвестно куда только потому, что кто-то что-то сказал мне во сне.

После этого он спокойно заснул.

На следующий день капитан проснулся рано и сразу же занялся делами.

Когда подошло время визита, оделся, засунул за пояс пистолет и положил шкатулку в сумку. Спрыгнув в шлюпку, он заработал вёслами и спустя какое-то время оказался у пристани.

Причалить ему помог старичок Папаша. Уж так прозвали того в порту: возможно, старикан напоминал морякам родного родителя. Щупленький как воробышек, в обтрёпанной, но чистой одежде, Папаша считался местной знаменитостью, неотделимой от порта, как бушприт² от носа корабля. Когда матросы, вернувшись из рейса, сходили на берег, Папаша их встречал первым, рассказывал новости, балагурил, бежал рядом мелкими шажками.

Вот и сейчас, принимая причальный канат от капитана, Папаша суетился, заглядывал к нему в глаза и явно что-то хотел сказать, но капитан, занятый своими мыслями, сунул в руку старика двухпенсовую монету и быстро, вразвалку, зашагал по пристани.

Светило солнце, и идти вдоль доков мимо множества кораблей самых различных размеров, оснасток и национальностей было удивительно приятно. Капитан всё время проводил в

² Бушприт – горизонтальное либо наклонное рангоутное дерево, выступающее вперёд с носа парусного судна и служащее главным образом для крепления носовых парусов.

море, но здесь, в порту, оно удивляло его, будто увиденное впервые: казалось, что от моря шёл острый запах дёгтя и соли. Он проходил мимо моряков с серьгами в ушах, с пушистыми выгоревшими бакенбардами, с просмоленными косичками и неуклюжей морской походкой, его обгоняли быстроногие мальчишки, и окликали портовые девки... Вокруг него шумел привычный мир. И жизнь казалась прекрасной...

До дома мистера Трелони, судовладельца, он добрался довольно быстро – тот жил недалеко от порта. Капитан, нанятый на корабль мистера Трелони совсем недавно, уже бывал в доме сквайра по долгу службы. Был он знаком и с его супругой, которая, вопреки властному характеру мужа, сама вела все дела по дому. Впущенный в дом Трелони величественным дворецким, капитан сел в гостиной и стал рассматривать новомодный столик-консоль, стоящий у стены на козлиных ножках.

Наконец, в комнату, шелестя юбками, вплыла миссис Трелони – высокая женщина лет сорока, с умными зелёными глазами и со следами былой красоты на лице, безмятежность которого говорила, что миссис Трелони получила отменное английское воспитание и что жизнь у неё текла ровно, приятно, без каких-либо происшествий, способных омрачить её чело.

– Здравствуйте, капитан Линч, – сказала она, отчётливо выговаривая слова. – Муж сообщил мне, что пригласил вас к обеду... Он с самого утра закрылся в кабинете, но просил, как только вы придёте, сразу же позвать его. Я уже послала за ним дочь.

Капитан склонился перед хозяйкой в поклоне. Потом они сели и стали говорить о погоде. А, как известно, дорогой читатель, непредсказуемость английской погоды является для британцев излюбленной темой ежедневных разговоров. Поэтому капитан и хозяйка дома говорили о погоде довольно долго. Но всё же, когда миссис Трелони перешла к обсуждению количества солнечных дней на территории королевства Великобритания по регионам, капитан испытал лёгкое недоумение. Впрочем, спустя какое-то время хозяйка дома смолкла.

– Что-то мужа нет, и дочь куда-то пропала, – величественно произнесла она, поднимаясь. – Я схожу за ними.

Миссис Трелони двинулась из гостиной. Капитан встал и снова поклонился хозяйке, потом, повинувшись неясному порыву, последовал за ней по коридору.

К его удивлению, дверь в кабинет мистера Трелони оказалась распахнутой. Войдя следом за хозяйкой в кабинет, капитан тут же наткнулся на неё, потому что та опустилась на колени перед лежащей на полу девушкой.

«Без сознания, бледна, как статуя, и так же прекрасна», – успел подумать о девушке капитан, пробираясь вглубь кабинета.

То, что хозяин дома был убит, он понял сразу. Сквайр лежал на полу, на боку, слева от письменного стола. Из затылка его, из того места, где начинают расти волосы, торчала рукоять ножа – на первый взгляд самого обычного, складного, матросского, какой можно легко купить в любом порту. На столе, возле опрокинутой чернильницы, виднелась лужа пролитых чернил, и лежало перо. Никаких бумаг на столе не было, а его распахнутые дверцы зияли тёмными провалами. Два парных секретера у стены оказались также раскрыты и основательно выпотрошены, рядом на полу валялись книги и бумаги.

Окно в кабинете было поднято, ветерок гулял по занавескам. Стараясь не вступить ненароком в лужу крови, капитан подошёл к окну, выглянул в сад и хмыкнул. Затем он приблизился к секретерам, бегло осмотрел их и задумчиво поднял брови, отчего кожа на лбу у него пошла частыми поперечными морщинами.

Потом он повернулся к миссис Трелони, которая молча держала в объятиях бесчувственную дочь и, как безумная, смотрела на тело мужа, распростёртое на полу.

Конец дня пришёлся на суматоху: слуги бегали за доктором для молодой мисс, потом для миссис, приходили констебль, священник, близкие и соседи.

Всё это время капитан находился в доме своего нанимателя. О сумке со шкатулкой ему вспомнилось только к вечеру: она стояла там же, где он её оставил – в прихожей. С тяжёлыми мыслями, какие у каждого из нас вызывает чья-то внезапная смерть, он возвратился на корабль. Всю дорогу капитан думал о конечности бытия и бренности всего сущего, а ещё о бледности юной мисс Трелони.

Изменчивая английская погода снова сменила галс³ – небо заволокло, с моря дул пронзительный ветер. На пристани капитан нашёл свою шлюпку, причаленную железной цепью к столбу, и притянул её поближе. Только темнота и мрачное расположение духа не позволили ему заметить тёмную фигуру, жавшуюся за одну из пушек, врытых в землю для причаливания небольших кораблей.

Вооружившись багром, капитан стал выводить шлюпку из лабиринта окружавших её судов. На открытом месте он заработал вёслами, и шлюпка пошла быстрее. Вода была чернее чёрного.

На следующее утро было так сыро и туманно, что, казалось, насилу рассвело. На кабельтов⁴, справа и слева, с борта шхуны трудно было разглядеть что-либо, а иззябшая команда имела бледно-жёлтые лица, под цвет тумана. Капитан первым делом послал узнать в дом мистера Трелони, теперь, увы, покойного, о состоянии здоровья мисс и миссис Трелони. Посыльный вернулся и рассказал, что миссис Трелони плачет, а юная леди всю ночь провела в горячке, но сейчас ей лучше. Капитан занялся своими делами.

Ближе к обеду к шхуне «Архистар» причалила шлюпка, в которой, кроме гребца, сидел юноша в простой, даже бедной одежде. Матросы доложили о нём капитану.

Тот выбежал на палубу в некотором замешательстве: к нему из Отли, небольшого йоркширского городка, приехал друг детства. Не то, чтобы капитан забыл о нём, нет, он ждал друга с нетерпением, – для него на корабле имелся важный груз, – но просто последние события заслонили капитану всё остальное.

Вновь прибывшего юношу звали Томас Чиппендейл. Его подняли на палубу. Был он небольшого роста, лет двадцати-двадцати двух, с тёмными, почти чёрными волосами и тёмными пристальными глазами. Лицо имел круглое, приятное, лоб – высокий и хорошо сформированный, красные полные губы его, беспрестанно складывались в лёгкую рассеянную улыбку. Во взгляде юноши чудилось что-то страстное, почти до страдания, и это ужасно не гармонировало с его рассеянной улыбкой.

– Здорово, дружище! – вскричал капитан и схватил Томаса в объятия. – Рад, что ты приехал!

Друзья представляли собой контрастную пару – быстрый и гибкий капитан и полноватый медлительный Томас. Казалось, что капитан и старше, и умнее, и опытнее Томаса. Да это так и было: капитан рано покинул родной город, много плавал и видел всякое. Тогда как Томас всё так же жил в Отли, почти деревне, и учился столярному ремеслу, наблюдая за работой отца-столяра, а потом помогая ему. Семья Томаса трудилась с утра до вечера, но жила бедно, кое-как сводя концы с концами, мечтая, что осталось ещё немного потерпеть, поднатужиться – и жизнь наладится. Но время шло, а денег в семье всё не прибавлялось.

Теперь капитан по просьбе друга привёз ему с Ямайки «американское красное» дерево. Причём привёз совершенно случайно, в последний момент погрузки взяв в трюм несколько стволов больше для балласта из-за нехватки груза.

Открыв люки, чтобы стало светлее, капитан зажёл фонари, и друзья спустились в трюм. Пробираясь в щели между невыгруженными ещё тюками и ящиками, обходя бочки с остав-

³ Галс – движение судна относительно ветра или отрезок пути, который проходит парусное судно от одного поворота до другого при лавировке.

⁴ Кабельтов – трос определённого диаметра для швартовов и буксиров, а также внесистемная единица измерения расстояния, принятая в мореплавании.

шейся водой и мешки с провизией, огибая ящики из-под вина, бочонки для джина и почти израсходованные запасы угля, они спустились до внутренней обшивки, до самого днища. Здесь лежали небольшие прямые стволы, испускающие приятный аромат, похожий на запах специй.

– Ах, Дэниэл! Как я тебе благодарен! – воскликнул Томас.

– Да ладно, что ты, – пробормотал капитан, он вспомнил предысторию подарка и совсем смутился. – Извини, я не стал вытаскивать стволы на палубу.

– И не надо, и очень хорошо... Я сам их подготовлю для сушки, – ответил Томас, нежно глядя деревья по темной коре.

И он с тихой страстью стал рассказывать, что стволы нельзя сразу выносить на воздух, а уж тем более на солнце – это может погубить древесину, и она пойдёт трещинами, что стволы надо ещё очистить от коры, а торцы стволов – закрыть вощёной бумагой, что бумагу, и воск, и все инструменты он привёз с собой.

Капитан смотрел на друга, как замороженный: он любил, когда обычно молчаливый Томас вдруг вот так, всегда неожиданно, начинал рассказывать о чём-то своём, и тогда лицо его преображалось. Вот и сейчас лицо Томаса в свете фонарей показалось капитану прекрасным.

Спать они легли за полночь.

Утром непостижимая английская погода опять переменялась.

Только какая она была на этот раз, я сказать вам не берусь – никто этого не помнит за давностью лет. День этот примечателен был тем, что за капитаном прислали слугу с извещением, что погребальная проповедь и похороны безвременно усопшего мистера Трелони, сквайра, состоятся в приходской церкви Сент-Мэри-Редклифф.

Похороны мистера Трелони, несомненно тягостные для любого чувствительного сердца, я описывать не буду, они не интересны для нашей истории. После похорон родственники и близкие покойного проследовали на поминальный обед. Вот о них-то и надо сказать несколько слов...

Общество собралось внушительное, и среди этих господ только капитан оказался не в парике, поэтому он ясно чувствовал на себе недоуменные взгляды. Но капитана было не так-то просто смутить какими-то взглядами. Он сам принялся незаметно разглядывать собравшихся.

Мистер Джордж Трелони, младший брат покойного, сидел во главе стола, уставленного цветами и серебром, между хозяйками дома – миссис и мисс Трелони. Пожалуй, трудно было бы найти себе окружение более прекрасное: родственницы фланкировали его подобно двум розам – зрелой и едва расцветающей. Сам же дядя Джордж был невысок, поджар и щеделушен, не в пример своему покойному брату. Кудрявый светлый парик-аллонж на нём казался большим и тяжёлым.

Рядом с юной мисс Трелони находилась её подруга Мэри Уинлоу. Девушка делала круглые глаза, поднимала вверх бровки и старалась держать спину прямо, но видно было, что она сама смущается своих резких и порывистых движений.

По правую руку от миссис Трелони сидел высокородный Джон Грей из рода самого Генри Грея, английского государственного деятеля эпохи королей Тюдоров, впрочем, казнённого (с конфискацией имущества) кем-то из этих королей ещё в 1554 году. Невозмутимость, свойственная белокожей расе английских аристократов, леденела в холодных и прекрасных, как ясное зимнее небо, голубых глазах Джона Грея. Этому великолепному морскому офицеру, состоящему на службе Его Величества, было около тридцати лет.

Рядом с ним сидела восхитительная миссис Меган Белью, на чьи зелёные глаза все-все без исключения джентльмены взирали с инстинктивным одобрением. Та отвечала им взглядами, в которых читалось: «Да, я – хороша, ничего тут не поделаешь». Напротив неё сидел супруг, морской капитан в отставке, который с неодобрением наблюдал за этими перекрёстными взглядами и про которого можно было сказать только, что он был муж своей жены.

Справа от миссис Белью восседал Александр Саввинлоу, банкир (Банк Британского Льнопрядильного кредитного общества), занимающий видное положение в финансовом мире и имеющий четырёхэтажный дом в городе, два поместья и корабль для очень прибыльной транспортировки «живого товара» в американские колонии.

Лицо банкира Саввинлоу было бритое, круглое, рот – сладкий. Роскошный парик банкира спереди спускался двумя пушистыми прядями почти до самого живота, который он старательно, но тщетно пытался втянуть. Его небольшие голубые глаза беспрестанно оглядывали собравшееся общество словно бы с целью выяснить, производит ли он на них должное впечатление. Банкир буквально олицетворял собою истину, что в нас не так смешны качества, которыми мы обладаем, чем те качества, на которые мы претендуем.

Напротив него поместили его супругу, женщину лет на пятнадцать моложе. Её умные быстрые глаза с интересом перебегали со стола на лица собравшихся и обратно. Встречаясь взглядом с глазами мужа, она отворачивалась.

Рядом с банкиром Саввинлоу возвышалась миссис Батлер, жена преподобного Уильяма Батлера – очень достойная женщина и своего рода выдающаяся личность, которая прославилась обедами для бедняков, сбором пожертвований и другой благотворительностью.

На попечении миссис Батлер постоянно находились чьи-то дети, больные старики и дальние родственники, но она никогда не позволяла себе проявлять раздражение или усталость. На её лице всегда читалось тихое выражение трогательной кротости, а сейчас она с нежностью смотрела на своего мужа, который сидел за столом визави.

Преподобный Батлер был невысокого роста, а широкое лицо его с квадратным лбом, полными щеками и гладко выбритым массивным подбородком отличалось завидной свежестью. Брови преподобного густо кучились над выпуклыми блестящими глазами. Многолетняя привычка проповедовать с кафедры придавала властность его манерам и звучность голосу, который он и не собирался, впрочем, понижать даже сейчас. Чувствовалось, что он ни минуты не сомневается, что говорит исключительно умные вещи, которые остальным не грех и послушать.

Слева от преподобного Батлера, жадно внимая ему, сидела миссис Сара Уинлоу, давнишняя приятельница хозяйки. Глаза её, обычно тёмно-серые, теперь казались чёрными от зрачков, расширившихся от волнения. Её верхняя чуть короткая губка приподнималась время от времени и приоткрывала ряд жемчужных зубок. В выражении глаз миссис Уинлоу капитану виделось любопытное ожидание, словно она ждала от преподобного исключительно интересные новости. На её груди вздымались и опадали старинные алансонские кружева. На них, как замороженные, смотрели сидящие рядом другие приглашённые, описывать которых уже нет смысла.

Юная мисс Трелони, которую капитан рассмотрел только теперь, уже несколько раз за вечер бросала на него пристальные взгляды. Она была замечательно хороша собою – почти высокая, стройная, сильная. Эта сила читалась во всяком её жесте, впрочем, не лишённом мягкости и изящества. Она казалась похожей на мать, и только глаза – чёрные, сверкающие, гордые, выдавали силу её характера, который, как и красота, со временем обещал усилиться. Девушка была бледна и по моде того времени нарумянена. Нижняя её губка, свежая и алая, чуть-чуть выдавалась вперёд, придавая лицу некоторую надменность.

Мать юной леди, миссис Гертруда Трелони, была женщиной начитанной, а натурой романтической, и когда пришла пора дать имя дочери, она, после некоторого смятения, обратилась к великой английской литературе. А надо сказать, дорогой читатель, что великие английские писатели не только способствовали популяризации ряда женских имён, но и сами создавали новые имена.

Например, Джонатан Свифт подарил миру два женских имени – Ванесса и Стелла, а Уильям Шекспир – имена Джулия, Джессика, Офелия и Виола. Юную мисс Трелони звали Сильвия – как и героиню шекспировской пьесы «Два веронца».

Вот такое прекрасное общество, достойное кисти самого Антуана Ватто, собралось по воле злого случая в доме возле бристольского порта. А уж великий Ватто, крупнейший мастер живописи рококо и создатель жанра «галантные празднества», первый открыл художественную ценность хрупких нюансов человеческих чувств, неуловимо сменяющих друг друга. В его полотнах главное – не сюжет, а та поэтичность, которой проникнуты позы и жесты героев, отмеченных печатью меланхолической грусти, словно они вдруг впервые ощутили трагический разлад прекрасной мечты с жестокой реальностью.

Между тем слуги, чинно скользившие за спинами господ, внесли зажжённые канделябры. В их неровном, трепещущем свете не только дамы, но и кавалеры стали выглядеть моложе и изящнее. Этот мерцающий свет время от времени выявлял то чей-то медальный профиль, то склонённую головку, то рассеянный взгляд. Мягкие тени неясным флёром ложились по стенам. Говорили о лучших сторонах характера покойного, причин смерти никто не касался. Отсидев положенное правилами приличия время, общество стало расходиться.

Капитан подошёл попрощаться с миссис Трелони.

– Капитан Линч, я прошу вас задержаться, – прошептала вдруг хозяйка дома. – Мне надо с вами обсудить кое-что.

Слуга проводил капитана в комнату, оставил свечу и вышел, притворив дверь.

Неясные голоса приглашённых постепенно затихали. В гостиной пробило двенадцать, и тот же час по всем комнатам часы одни за другими прозвонили полночь. Капитан стоял, приклонясь к холодному камину, терзаемый смутными, неясными ему самому чувствами. Время тянулось медленно.

Наконец, послышался шелест платья, и двери отворились. В тёмном проёме капитан с изумлением увидел юную Сильвию Трелони. В руках она держала свёрнутую шаль.

– Мама сейчас придёт, мистер Линч, – сказала девушка. – Она провозжает дядю Джорджа.

Юная мисс замолчала, грустно улыбнулась капитану и пригласила его садиться. Улыбка у неё была чудесная. Они сели на резные, морёного дуба стулья, стоявшие здесь, – в дальней, которую гостям не показывают, – комнате, наверное, со времён самих королей Тюдоров. Обитые кожей, с прямыми спинками стулья сплошь покрывала искусная резьба. Сидеть на них было неудобно.

Вскоре появилась миссис Трелони.

– Спасибо, что согласились остаться, капитан Линч... Мы хотели с вами поговорить, – тихо сказала она и, обратившись к дочери, добавила: – Сильвия, показывай, дорогая.

Девушка развернула из шали небольшой мешочек. Все трое придвинулись к столу.

– Папа, – произнесла Сильвия, тут она запнулась, сглотнула, сдержалась и продолжила: – Папа перед прибытием «Архистар» взял с меня слово выполнить одну просьбу... Он просил меня на всякий случай, если с ним что-нибудь случится, передать вам это. Он сказал, что вы, как человек благородный, найдёте этим вещам применение и не оставите его жену и дочь...

Тут рассказ Сильвии неожиданно оказался прерван, потому что капитан встал, жестом попросил тишины, осторожно пересёк комнату и, резко распахнув дверь, втащил внутрь за плечо невысокую полную женщину. Та неуклюже сопротивлялась, словно крупный карась, протестующий, что его силой вырывают из родной стихии. Это была горничная миссис Трелони. Горничная испуганно поводила глазами, стараясь вырваться из железных рук капитана, но положение её было неутешительное.

– Ах, Мэри, ты подслушивала под дверью, – сказала миссис Трелони. – Никак я от тебя этого не ожидала. Иди к себе, я завтра с тобой объяснюсь.

Капитан отпустил горничную – та бросилась со всех ног из комнаты.

Тут капитан рассказал о шкатулке, которую приносил в тот страшный для всех день. Женщины пришли в смятение. Капитан, между тем, сломал печать на шнурке мешочка, распустил петлю, стягивающую его горловину, и вытащил на стол содержимое: моток старинных кружев, затейливый кованый ключ и целую горсть обычной морской гальки.

Какое-то время все недоумённо смотрели на предметы. Потом миссис Трелони развернула кружева – кружева были брабантские, из льняных нитей. Капитан в это время рассматривал гальку, которую обычно собирают на берегу дети, первый раз увидевшие море. Затем он взял в руки ключ и повертел его. Сказал:

– Ключ я возьму с собою. Попробую, не подойдёт ли он к шкатулке. Я приду завтра, сейчас уже поздно, да и день был тяжёлый, вы, конечно, устали... Разрешите откланяться.

Капитан встал, поклонился, оправил манжету и двинулся к двери. Он уже не мог больше вынести глаз мисс Сильвии, такой в них читался глубокий и таинственный мрак: девушка была ужасно бледна и, – как ни странно, – ещё больше хороша от этого.

– Ах, не туда! – остановила его миссис Трелони. – Не надо, чтобы вас видели так поздно у наших дверей!

Она протянула капитану ещё один ключ, объяснив, как выйти: надо было пройти в потайную дверь, скрытую за портьерой, что неясно темнела в дальнем углу комнаты. Капитан вышел и очутился на тёмной улице.

Ему не встретилось ни души. Неясная луна кралась за ним по пятам всю дорогу до порта. Он уже подходил к пристани, когда чья-то смутная тень вдруг мелькнула на земле впереди. В тот же миг, не успев даже сам осознать этого, капитан сделал шаг в сторону и присел. Лезвие ножа промелькнуло над его головой. Капитан выпрямился, как отпущенная пружина, развернулся к нападавшему и ударил, ещё и ещё раз. Потом он склонился над телом, взгляделся в лицо убитого и подумал, что где-то его видел... А, впрочем, все бродяги обычно всегда кажутся на одно лицо.

Капитан до того оказался сбит и спутан, что, даже попав к себе в каюту и бросившись на койку, какое-то время сидел, стараясь хоть как-то собраться с мыслями. Почему-то ему казалось, что это было не простое ограбление... Ощувив беспокойство, он взял фонарь и спустился в трюм к шкатулке. По трюму разносился запах пряностей и чего-то влажного, свежего, такого непохожего на обычную трюмную затхлость.

– Значит, Томас занимается своим деревом. Отлично, отлично! А главное, это так вовремя сейчас, – пробормотал капитан и улыбнулся, отчего лицо его преобразилось.

Он приблизился к неприметному ящику, накрытому ветошью, осмотрел его, успокоено выдохнул и вышел. На палубе было тихо. Проверив вахтенного, капитан пошёл к себе.

Ночью ему приснился всё тот же Хипстер. Тот был точь-в-точь как в прошлом сне, та же фигура, так же одет, но в лице и во взгляде его произошло сильное изменение: Хипстер смотрел теперь пригорюнившись, совсем по-бабьи. Постояв так немного, он глубоко вздохнул, приложил ладонь к неровно выбритой щеке и скривил голову на сторону, что уж совершенно стал походить на удручённую горем рыночную торговку...

– Вот привязался, – пробормотал капитан в полусне, потом подумал о фантастических глазах мисс Сильвии и опять провалился в сон.

Утром ничего, казалось, уже не напоминало капитану о давешнем.

Он и Томас позавтракали, разговаривая о чём-то общем, но, как будто, каждый о своём: при этом взгляд Томаса казался рассеянным и выдавал обычную его мечтательность, а капитан задумчиво хмурил белёсые брови.

– Я сейчас тебе кое-что покажу, – вдруг сказал капитан и вышел.

Вернувшись, он поставил на стол шкатулку, про которую какой-нибудь прозорливый читатель думает, наверное, не переставая, с самого начала повествования. Вынув из-за пояса затейливый ключ, полученный вчера от мисс Сильвии, капитан с некоторым трудом открыл шкатулку.

На крышке шкатулки изнутри было зеркало, а лежали в ней курительная пенковая трубка и завёрнутая в свиток манускрипта латунная подзорная труба старинного образца по виду, как новая. Капитан раздвинул трубу, посмотрел в неё, нацелив на стол, и его брови удивлённо поползли на лоб. Он перевернул трубу и осмотрел – линза её была совершенно мутная. «Вот это да! Довести деликатный прибор до такого состояния – это надо суметь», – подумал капитан и взял в руки манускрипт.

Вчитавшись в текст, он глянул на Томаса – тот, не отрываясь, напряжённо следил за ним – и объявил:

– Текст на испанском. Я не всё понимаю. Разбираю только: Диего де Альмагро... Сын Солнца... Атауальпе... Сундуки... А потом идёт перечисление. «Серебряные и золотые земляные орехи. Нагрудное украшение мочика. Ожерелье из перламутра, канители, рельефные бляшки потолка, височные кольца, лунная носовая подвески, слитки в количестве... Большой кондор. Малый кондор. Конца текста нет. Посмотри сам!

Томас развернул протянутый ему манускрипт. На тонком старом пергаменте полувыцветшей, но всё ещё заметной тушью, были выведены неровные строчки. По краям пергаamenta, подмоченного когда-то давно, виделись разводы от воды. Томас отложил свиток, взял в руки шкатулку, и лицо его приняло ещё более удивлённое выражение – вставленное в крышку зеркало оказалось металлическим. Он покачал в руках шкатулку, словно взвешивая, потом постучал по ней согнутым пальцем.

Сказал задумчиво:

– Знаешь, Дэн, а ведь эта вещица с секретом. И у неё, как будто, есть второе дно. И стенки такие толстые. И, я думаю, должен быть механизм, это дно открывающий. Это явно не наша, не английская работа! Уж я в этом толк знаю!

Капитан молча смотрел на Томаса.

– Ах, Дэниэл! – произнёс вдруг тот, заметно воодушевляясь. – Здесь есть какая-то тайна, и явно пахнет сокровищами! И ты, конечно, отправишься на их розыски! Как это интересно!

Губы капитана сжались в тонкую нить, а складки у рта вдруг стали резче – он никуда не хотел отправляться.

А чему вы удивлены, дорогой читатель? Это только в романах герои сразу норвят собраться и уехать, куда глаза глядят, только в руку им попадёт какой-нибудь пустяк, какая-нибудь бессмыслица, нелепица последняя, но с тайною. И ищут они, и скитаются неизвестно где, подвергая себя всем немислимым опасностям. В жизни всё совершенно не так, поверьте!

В жизни люди заняты своими делами, заботами о добывании хлеба насущного, и порванная обувь сына, которому не в чем будет завтра выйти со двора, волнует иного отца гораздо больше, чем какие-то тайны.

Ну, помилуйте, ну зачем капитану надо бросаться на разгадку каких-то загадок? Он был человек целеустремлённый, со своими идеалами, а поиски сокровищ – это, знаете ли, дело довольно щекотливое. Поиски сокровищ вообще были не по его части – капитан не чувствовал совершенно никакого влечения к подобного рода занятиям. И, наконец, у него имелась своя мечта, которая потихоньку, но приближалась к нему во всём своём красочном великолепии...

«Нет, нет и нет! Это совершенно не моё дело», – подумал капитан и встал. Время приближалось к назначенному часу.

Он начал собираться для визита в дом Трелони.

В доме покойного судовладельца царил переполох.

Пропала Мэри, та самая горничная, которую капитан поймал вчера ночью под дверью. Утром служанку никто не видел, постель её оказалась не смята, вещи остались на месте – в доме забеспокоились.

Когда Мэри не появилась и к полудню, миссис Трелони сказала:

– На современных слуг ни в чём нельзя положиться! А, между тем, время такое тяжёлое... По дорогам ходят толпы бродяг без определённого места жительства. Ах, если бы только был жив муж!

В доме Трелони капитан застал визитёрш – восхитительную зеленоглазую миссис Меган Белью (без мужа) и давнишнюю приятельницу хозяйки миссис Сару Уинлоу (без дочери).

Шкатулка тревожила капитана, сумку с нею он пристроил на пол рядом с собой. Досадуя, что не может поговорить с миссис Трелони о деле, капитан сел, твёрдо поставив мускулистые ноги, обтянутые новомодными бриджами-кюлотами, и улыбнулся дамам.

И тот же час гостиную словно пронзило электрическими эманациями, словно движение какое пошло по земному эфиру, а как писали научные светила в XVIII веке, движение не может произойти без материи. Поэтому миссис Белью вся подобралась под корсетом, у миссис Уинлоу глаза опять стали чёрного цвета от расширившихся зрачков, а миссис Трелони горестно подумала: «Ах, почему мы не можем быть вечно молоды? И почему мы с возрастом становимся некрасивы? Зачем эти ужасные мешки под глазами, зачем эта сетка морщин на веках?»

Глядя на капитана Линча, она страдала, понимая, что её молодость прошла безвозвратно. Потом, немного успокоив себя тем, что молодые, но некрасивые женщины страдают не меньше, чем красивые, но немолодые, миссис Трелони, чтобы скрыть своё замешательство, заговорила о погоде.

– Скажите, пожалуйста, – начала она. – То всё дождь, дождь, а летом вон опять засуху предсказывают.

Дамы тему погоды радостно подхватили.

– Ну, что вы хотите? Ну, всё – как всегда! – отвечала ей миссис Белью, которая, как всякая настоящая англичанка считала: природа вещей такова, что ничто никогда не идёт так, как надо.

– Страна рушится, – вторила им миссис Уинлоу. – А что вы ещё ожидали?

Затем они поговорили ещё о чём-то, точнее ещё о ком-то. Капитан только и успевал переводить глаза на дам, выслушивая фразы типа:

– Боюсь, что он не сможет...

Или типа:

– Не думаю, что она сможет...

Или вроде:

– Вы не находите, что это несколько странно?..

– Да, в самом деле, – вторила всем этим высказываниям миссис Уинлоу, потому что была со всем вышеизложенным согласна.

Капитан уже в десятый раз рассмотрел наддверное пейзажное панно по последней французской моде. Сюжет оказался модным, пасторальным: на фоне хрупкой декоративности куш и нив блеклых, серебристо-голубоватых тонов сидели в изысканных позах пастухи и пастушки, рядом паслись овечки. Капитан встал, извинился и вышел. Он хотел справиться про оставленный вчера в прихожей пистолет.

Слуга сказал ему, что пистолет на месте. И сию же минуту в прихожую несколько боком из-за пышной юбки, вошла, явно торопясь, восхитительная миссис Белью. Она придвинулась к капитану, опалила его взором бездонных зелёных глаз, вложила в руку записочку и быстро удалилась. Капитан засунул записку за отворот обшлага, вернулся в гостиную и снова присел.

И тут доложили о констебле мистере Эбони. Миссис Уинлоу, у которой от любопытства дрожал кончик носа, засобиралась домой.

Капитана хозяйка попросила остаться.

Приходской констебль мистер Эбони имел небольшие седые бачки и живое морщинистое лицо.

Констебль был человек основательный и считал, что эффектнее всего выглядит сидя, ибо имел несколько коротковатые ноги, поэтому он старался побольше сидеть, как советовал всем великий Овидий. Вот и сейчас, выдержав время, положенное правилами хорошего тона, он сразу же сел и приосанился, оглядывая модную обстановку гостиной с заметным интересом, но всё же стараясь при этом не нарушить этикета.

– Я к вам с плохими известиями, миссис Трелони, – начал он издали, прокашлялся и выложил вдруг: – Нашли вашу служанку Мэри. В порту... С горлом, я извиняюсь, перерезанным от уха да уха... Хм. Страшное зрелище, скажу я вам.

Он постучал пальцами по подлокотнику кресла.

Миссис Трелони сидела, как громом поражённая. В её глазах читался тот же ужас, как и в день смерти мужа. Между тем молчание затянулось.

Капитан спросил:

– А скажите, мистер Эбони, а не находили ли сегодня в порту трупа мужчины?

– Трупа мужчины, простите? – переспросил констебль. – Нет, не попался... А зачем вам труп, сэр?

Мистер Эбони слыл остряком и очень гордился этим.

– Так... К слову, – ответил капитан, двинув плечом. – Просто служанка, в порту, ночью – так странно. Что делала Мэри ночью в порту?

Вопрос повис в воздухе. Присутствующие посмотрели друг на друга. Потом констебль Эбони с поднятыми в раздумье бровями опять стал барабанить пальцами, и это ужасно раздражало миссис Трелони: она наморщила носик.

Впрочем, констебль скоро ушёл. Миссис Трелони повернулась к капитану и, несколько понизив голос от внутренней деликатности, сказала:

– Вы же понимаете, Дэниэл, что Эбони никого не найдёт и ничего не сможет сделать?... Ему не отыскать даже убийц бедняжки Мэри, не то что убийцу мужа.

Миссис Трелони горестно вздохнула: она чувствовала вину, что была несправедлива к служанке после её исчезновения.

– А знаете, что я сделаю? – вдруг сказала она. – Я найму ловкого человека искать убийц мужа! А главное – я дам объявление в лондонские газеты и в нашу местную бристольтскую!

Миссис Трелони довольно заулыбалась. Мысль, в самом деле, была замечательная: объявления с предложением награды за сведения, помогающие вернуть похищенное имущество или наказать преступника, в то время ещё никто не публиковал.

Поэтому капитан одобрил её намерения и попросил пригласить мисс Сильвию: ему было, что показать дамам. За Сильвией послали, и она пришла довольно скоро. Капитан взгляделся в неё, стремясь проверить прежнее впечатление: это необычное по красоте лицо ещё сильнее поразило его. Как будто необъятная гордость чудилась в нём, и в то же время удивительное простодушие. Эта странная красота бледного лица, чуть-чуть впалых щёк казалась ему даже непереносимой.

Он отвёл глаза, достал шкатулку, открыл и продемонстрировал дамам содержимое – старинную пенковую трубку, латунную подзорную трубу и манускрипт. Потом он рассказал дамам очень занимательную историю о трёх испанских предпринимателях-компаньонах – Франсиско Писарро, Диего де Альмагро и священнике Эрнандо де Луке, которые на собственные средства организовали несколько военных экспедиций, установили контроль над империей инков и захватили в плен Верховного Инку Атауальпу. А главное, обещая Верховному Инке свободу, они получили от него беспримерный в истории выкуп золотом и серебром.

После чего Верховный Инка был публично удушен гарротой.

Глава 2. Капитан огорчает дам

Капитан закончил рассказывать.

Дамы явно расстроились: у Сильвии в глазах сверкали непролитые слёзы, а миссис Трелони вытирала слёзы крохотным платочком.

– Какая грустная история, – сказала она. – И как жестоки испанцы! Я всегда это говорила. Взять хотя бы последний вопиющий случай с ухом Дженкинса.

Капитан не знал, что на это ответить. А поскольку, дорогой читатель, этот «случай с ухом» будет иметь дальнейшее упоминание, вашему вниманию будет предложено одно небольшое отступление в английскую историю...

В марте 1738 года морской капитан Роберт Дженкинс появился на заседании Палаты общин английского парламента со стеклянной бутылкой в руках. В бутылке, наполненной спиртом, плавало человеческое ухо.

Капитан рассказал, что 9 апреля 1731 года его бриг «Ребекка» (кстати сказать, нелегально торговавший ромом в карибских владениях Испании) на обратном пути в Англию был задержан для таможенного досмотра испанским военным кораблём «Ла Исабела». Капитана Дженкинса под дулами мушкетов заставили встать на колени, а когда он попытался протестовать, испанский офицер отрезал ему ухо, посоветовав доставить этот «трофей» королю Георгу и передать, что то же самое случится и с ним (то есть, с королём), если он (то есть, король) будет пойман на контрабанде.

Сразу по прибытии в Англию капитан Дженкинс подал на высочайшее имя официальную жалобу по поводу этого инцидента. Однако история долго не получала никакого развития, а ухо долго ждало своего часа в бутылке со спиртом, пока, наконец, Дженкинс не решился поведать о своём несчастье британским парламентариям.

Его выступление перед Палатой общин вызвало бурную реакцию депутатов. Ухо Дженкинса потрясло воображение политиков, особенно оппозиции, и стало символом негодования всей передовой английской общественности. Было ли это в действительности ухо капитана, и потерял ли Дженкинс своё ухо в ходе испанского обыска, так и осталось невыясненным, однако влияние этого сморщенного объекта на Историю оказалось невероятно велико...

– Только что же это получается? – вдруг спросила миссис Трелони, она неожиданно успокоилась. – Значит, где-то эти сокровища инков есть? Так много золота?

И точно новая идея нетерпеливо засверкала во всегда холодных её глазах.

– Боюсь, что должен вас огорчить, – сказал капитан мягко. – Слухи о высоком качестве инкского золота сильно преувеличены. Чисто золотых изделий у инков было мало, их украшения, правда, очень искусные, делались больше из низкопробного сплава золота и других металлов.

Миссис Трелони смотрела на него во все глаза, и капитану почему-то стало понятно, что она теперь уж точно от него не отстанет с этим золотом.

– И всё же, Дэниэл, что вы думаете об этой шкатулке? – спросила она.

Капитан не ответил: его вдруг неприятно поразила эта настойчивость. Помолчав в задумчивости, он обратился к Сильвии:

– А что, мисс Трелони, не дадите ли вы поглядеть мне на давешнюю гальку?

Гальку достали. Капитан взял её в горсть, стал перебирать и выбрал одну. Покрутив эту гальку, он вставил её в пустое отверстие на крышке шкатулки.

Раздался металлический звон – шкатулка вдруг рассыпалась. Углы её распались, крышка с зеркалом отскочила, и на столе очутилась плоская фигура – деревянная «выкройка» шкатулки, состоящая словно бы из двух слоёв. Капитан взял верхний слой, перевернул, как книж-

ную страницу на железных петлях и даже, нарушив правила приличия, присвистнул от удивления.

С внутренней стороны «выкроек» такой неприметной с виду шкатулки было нечто. Он глянул на дам, заметно смутился, извинился и заявил:

– Нам нужен Томас Чиппендейл.

Тут же послали за Томасом, а пока, – чтобы скрасить ожидание, – миссис Трелони пригласила всех обедать. Но наслаждалась обедом только она одна. Капитан почти не ел, он что-то рассказывал с лёгкой усмешкой, от чего в суховатом лице его отчётливо проступала неизъяснимая печаль. Мисс Сильвия переводила глаза, полные обидой или даже гневом, с тарелки – на мать, на капитана и опять на тарелку. Миссис Трелони ничего не замечала.

Пришёл Томас, нескладный, полноватый, в старенькой одежде, с исцарапанными руками. Он попросил лупу. Лупа нашлась в кабинете покойного сквайра. Томас рассмотрел развёрнутые «выкройки» и сказал заинтересованно:

– Это явно две части одного рисунка, выполненного в технике маркетри⁵...

Он ещё раз посмотрел на выкройку и продолжил:

– И этот мозаичный набор украшен ещё перламутровыми круглыми вставками... А поверху маркетри сделан ещё один небезынтересный приём – «графье»... Это когда металлическими штихелями вырезают шрифт или другой рисунок, а потом в желобки втирают чёрную мастику. А вот это уже – что-то из ряда вон выходящее, потому что здесь не один шрифт, а несколько. Да ещё они так затейливо перемешаны, что прочитать, конечно, ничего нельзя... Смотрите сами!

И Томас с чрезвычайным удовольствием принялся рассказывать, показывая то на старинный испанский шрифт монастырского происхождения, то на круглый крупный французский площадной, то на шрифт английский.

Закончил он необычайно живо:

– А вот явная вариация, но уже французская, и тут вдобавок есть росчерк... А уж это такая вещь, что такой шрифт – ни с чем не сравнить... Так что, кажется, и душу бы за него отдал!

Глаза Томаса сияли, он даже словно бы ростом стал выше. Дамы глядели на него изумлённо, а капитан улыбался. Он знал за Томасом такую особенность, когда тот молчит-молчит, да как заговорит... И тогда уже и в звуке его голоса, и в глазах, и во всём облике заключено было не меньше красноречия, чем в словах.

Тут же миссис Трелони, воодушевившись, заказала Томасу реставрацию двух стульев эпохи королей Тюдоров, которые запомнились капитану в день похорон своим великолепием и своими неудобными спинками... Поэтому завтра же Томас с инструментами должен был прийти в дом работать!

Томас согласился, а капитан подумал, что страсть – это единственный фактор, доводы которого нам кажутся всегда убедительны, и что человек бесхитростный, но увлечённый страстью может воодушевить скорее, чем красноречивый, но, увы, равнодушный.

Потом все принялись за подзорную трубу – опять вертели и вытягивали её по-разному, только что не нюхали и не тёрли, да и то потому, что труба и так сияла, как новенькая.

Затем капитан взял пенковую курительную трубку, – все смотрели за его сильными руками, как зачарованные, – и стал рассказывать:

– Пенка... Материал этот в силу своей пористости впитывает из табака влагу и дёготь, делая дым прохладным и сухим, а сами трубки окрашивая со временем в красивые коричневые тона. А из этой трубки, судя по всему, совсем не курили... Мне кажется, она не предназначена была для повседневного курения...

⁵ Маркетри – техника инкрустации: создание мозаичных картин из элементов шпона древесины разных цветов.

Он стал рассматривать трубку внимательно со всех сторон. Резьба на трубке была бессюжетная, просто – извилистые арабески. Потом он разъединил чашку трубки с чубуком, и тоже осмотрел, и заглянул внутрь чашки – ни печатей, ни надписей там не оказалось.

После этого все опять взяли за манускрипт, рассмотрев его в лупу досконально. Потом документ смотрели на просвет над пламенем свечи, потом нагревали у камина, потом по выборочным местам тёрли лимонным соком, смачивали молоком и опять грели у камина. Всё оказалось тщетным.

Томас вдруг нетерпеливо вскричал:

– Ах, Дэниэл! Ну, сделай же что-нибудь ещё!

– Что? – воскликнул капитан, он тоже едва сдерживал раздражение. – Что мне ещё сделать?.. Постоять на голове, помахать руками, попрыгать? Точно! Сейчас мы все попрыгаем!

Атмосфера в комнате накалилась. И тогда Сильвия, всё это время молчавшая, вдруг сказала:

– Надо начать всё сначала.

И достала мешочек покойного отца.

На свет опять были извлечены кружева, забытые всеми, как явная безделица. Моток развернули и рассмотрели. Это были самые обычные брабантские кружева длиной чуть более фута. Искусной рукой юной кружевницы в вязь кружева была вплетена золотая плёнка – тонкая нить из золота, которую отбили ювелирными молоточками, отчего та стала поблёскивать неодинаково. Но плёнка виднелась только в середине кружевной ленты, а по краям золотое плетение обрывалось, будто осыпалось. К тому же кружево было безнадежно испорчено: в середине кружевного полотна, среди золота плёнки, виднелись разновеликие дырочки, словно сожжённые искрами треснувшего от невыносимого жара полена. Что же, очень естественное дело, когда сидишь рядом с камином... Кружево ещё покрутили.

Потом капитан и Томас распрощались с дамами. Капитан был задумчив, а Томас уходил, весь переполненный мыслями о завтрашней работе: он перебирал в уме список инструментов и материалов.

Миссис Трелони пошла к себе под впечатлением новых фактов и своих соображений. А Сильвия... Сильвия была просто в отчаянии! Белый свет ей был не мил: она заметила, что капитан Линч разговаривал всё время только с матерью.

На неё за весь вечер он не посмотрел ни разу!

Томас и капитан молча шли к порту по тёмным улицам.

Потом капитан остановился, подошёл к светящемуся окну таверны и вытащил из-за обшлага письмо. Оно было надушено. У капитана от этого знакомого и щемящего аромата что-то сжалось внутри.

В письме лёгким, изящным и таким знакомым почерком миссис Белью было написано: «Мой сказочный! Ты давно вернулся, а между тем не написал мне ни строчки, ни словечка. Я начинаю сердиться... Если хочешь загладить свою вину, приходи ко мне завтра. Муж уезжает в имение на несколько дней, с собой берёт всю прислугу. В доме останется только Сьюзен, моя горничная... Надеюсь, твои оправдания будут такими же весомыми и пылкими, как и раньше. Твоя М.»

Капитан неясно улыбнулся, скомкал бумагу в тугой шарик и бросил под окна на замусоренную землю. Томас по своему обыкновению ничего у него не спросил. Не то, чтобы Томас был невнимателен к делам капитана, нет. Просто всё внимание его всегда было поглощено чем-то таким, что и сказать, право, затруднительно. Да и он сам – проси его, не ответил бы на это ничего.

Когда друзья отошли от таверны, из уличной тьмы появился некто в чёрном плаще, подошёл под окна и, подобрав что-то с земли, в тот же миг опять растворился в темноте.

Капитан стоял на кухне и смотрел на большой котёл с водой на плите.

Под котлом не было огня, но он знал, что вода в нём давно уже кипит: низкий белый пар широкой вуалью стелился над чёрной поверхностью воды и уходил в воздухоочиститель, мерно рокочущий в тишине. Капитан поднял котёл, собираясь переставить его, но выплеснул кипящую воду на керамогранит пола. И тогда прямо под плитой он увидел голенького младенца – мёртвое, скорченное тельце девочки. В ужасе от случившегося, он упал на колени, заплакал, завыл по-звериному, стискивая руками голову, словно хотел раздавить, словно хотел оторвать её, и проснулся...

Капитан лежал на постели, по щекам его текли слёзы.

Потом он вышел на палубу. Рассветало, и наступало время, когда над землёй всходит солнце. Встретив спокойный взгляд вахтенного матроса, он очнулся от сонного наваждения и сразу успокоился.

Позднее им была послана к миссис Белью записка такого содержания: «Очаровательница, прости, прости! Я всё время занят неотвязными делами и не смогу прийти к тебе. С трепетом склоняюсь к земле и целую кончики твоих туфель, хотя мой взгляд, и мои губы, и само моё сердце хочет подняться выше... И ещё чуть выше... Д. Л.»

Да-а, мужчины XVIII века умели сочинять письма...

Днём миссис Трелони опять пригласила капитана к себе. Как она ему объяснила, чтобы познакомиться с ловким человеком, которого посоветовал ей любезный банкир Саввинлоу для розысков убийц мужа. Но если бы даже капитана не пригласили, он всё равно пришёл бы, потому что его неудержимо влекло в этот дом, а почему – он и сам не понимал, настолько смутны и неясны были его чувства.

В первые минуты визита он и миссис Трелони беседовали в гостиной. Скоро к ним присоединилась Сильвия, одетая в простое и милое платье. Она сухо поздоровалась с капитаном и молча села возле матери.

Ровно в назначенное время Роберт Эрроу появился. Это был высокий мужчина с тонкой талией, узким и длинным лицом и глубоко посаженными колючими глазами. Голос его звучал тихо, вкрадчиво, с хрипотцой. Парика он не носил.

Мистер Эрроу был ловкий человек. И не потому, что он отличался своей особой сноровкой, а потому «ловкий», что от слова «ловить». Так мы и будем его называть – «ловкий» человек: он же не полицейский, и не судейский, и не детектив, в самом деле, хотя бы просто потому, что детективов в XVIII веке ещё не было.

Мистер Эрроу сразу поразил миссис Трелони своим профессионализмом: он спросил, кто нашёл тело несчастного. Узнав, что тело несчастного обнаружили все трое собравшихся, но только в разное время, он захотел побеседовать со всеми. Ответы на свои вопросы он записывал в тоненькую книжечку маленьким графитным нюрнбергским карандашиком, которые начали производить в Германии не так уж и давно. И этим карандашиком он потряс миссис Трелони ещё больше: она сразу поняла, что дело поимки убийц мужа находится в надёжных руках.

Первой мистер Эрроу расспрашивал мисс Сильвию. Он пристально посмотрел на девушку и тихо спросил:

– Скажите, мисс Трелони, когда и где вы обнаружили тело своего отца?

– Я нашла его лежащим на полу в кабинете в среду на этой неделе, – ответила Сильвия, голос её был едва слышным и ровным.

– А зачем вы пошли к нему в кабинет?

– Отец просил позвать его сразу же, как придёт капитан Линч.

– Дверь в кабинет была закрыта или открыта?

Хриплый мерный голос мистера Эрроу начинал наводить на присутствующих ужас и сонную оторопь, он словно погружал их всех опять в кошмар недавнего прошлого. Миссис Трелони судорожно хрустнула стиснутыми пальцами и заметно сжалась в своём кресле.

– Сначала она была закрыта, потом открыта, – ответила Сильвия уже шёпотом, она была белее снега.

– То есть, вы приходили к кабинету несколько раз? – мистер Эрроу возвысил интонацию.

Тут Сильвия посмотрела на капитана тёмными бездонными глазами: казалось, она молила его о чём-то.

– Мистер Эрроу, вы пугаете женщин! – раздался твёрдый голос капитана, и это разрядило, наконец, атмосферу. – Оставьте ваши судейские штучки для бродяг, воров и нищих. Вас пригласили в приличный дом, где недавно потеряли отца и мужа, причём пригласили специально, как раз для того, чтобы во всём разобраться. И мы с охотой вам расскажем всё без ваших допросов!

Мистер Эрроу смешался, опустил глаза и виновато улыбнулся. Развёл руками и проговорил:

– Ах, простите, капитан Линч, забылся... Люблю, понимаете, встречаться с противником лицом к лицу, брать его за грудки и определять, из какого он материала сделан.

– Вот и любите в каком-нибудь другом месте, – ответил капитан, которого не просто было пронять улыбками.

Он стиснул челюсти, немного помолчал, чуть прикрыв глаза белёсыми ресницами, посмотрел на Сильвию ободряюще и спросил:

– Мисс Сильвия, значит вы приходили к отцу несколько раз? Вы нам про это не говорили!

И столько заботы было в его голосе, что Сильвия, казалось, ожила, её глаза засияли. Она ответила, явно приободрённая:

– Я совсем забыла, да и разговора не было... И потом! Это так ужасно! Папа лежал такой брошенный, такой одинокий!.. Да, я приходила к нему несколько раз. Сначала дверь была закрыта, но он всегда разрешал мне стучаться, он не сердился... Я постучала. Он крикнул, что сейчас занят, что у него дядя Джордж, который уже уходит. А второй раз, когда я толкнула дверь...

– Как дядя Джордж? – вскричала, не выдержав, миссис Трелони, она была в ужасном недоумении. – А почему Джордж не сказал нам потом? И как он вошёл? Надо сейчас же допросить слуг!

Вызвали слуг, всех по одному – разговаривал с ними капитан, не доверяя уже мистеру Эрроу.

Тот уже молча сидел на стуле и быстро записывал что-то в свою книжечку.

Первым вошёл дворецкий Диллон, благообразный, как архиепископ. Он величаво прошествовал от двери и остановился ровно посередине гостиной. Это был мужчина лет шестидесяти, ростом не меньше шести футов, крепко сбитый, с густыми бакенбардами, который производил впечатление солидного слуги. Однако этот внушительный вид несколько портили его голубые глаза: они слишком умно и оживлённо поблёскивали. Отвечал дворецкий неторопливо и с большим достоинством.

Капитан спросил его:

– Скажите, любезнейший, вы помните утро того дня, когда умер хозяин?

– Да, сэр, очень хорошо помню, – ответил дворецкий и заметил: – У меня превосходная память, сэр.

Капитан спросил:

– Расскажите, пожалуйста, чем вы занимались в тот день? Это вы обычно открываете дверь посетителям и впускаете их в дом?

– Да, сэр, – согласился дворецкий. – Это моя обязанность. Если, конечно, я не занят по дому где-нибудь наверху и не проверяю, всё ли готово к столу.

– А когда вы заняты, кто открывает двери?

– Тогда открывает лакей Джим Эверсли.

– А если и он занят и не может открыть двери?

– Тогда экономка миссис Сиддонс или горничная, сэр.

– А в тот день вы открывали кому-нибудь?

– Да, сэр, – согласился дворецкий. – Сначала я открыл мистеру Саввинлоу, банкиру, и проводил его в кабинет хозяина, а ближе к обеду пришли вы, сэр...

Тут миссис Трелони опять вскричала:

– Так банкир Саввинлоу приходил к нам в тот день?.. Что же он ни словом не обмолвился? И почему он не зашёл ко мне? Целый день у нас были посетители, а я об этом ничего не знаю!

Капитана, казалось, волновали сейчас совсем другие вещи.

– А кто закрывал за банкиром? – спросил он.

– Я уже не закрывал, сэр, – ответил дворецкий. – Меня позвала миссис Сиддонс, экономка... Она спрашивала про столовое серебро.

Позвали экономку, женщину лет пятидесяти внушительных размеров, кряхтевшую при ходьбе, но, тем не менее, олицетворяющую собой образец здоровья. У неё были превосходные, чуть тронутые сединой чёрные волосы, розовые щеки и тихий, уважительный голос, как раз такой, каким и должна обладать идеальная прислуга. Передник и чепец её поражали белизной.

Экономка сообщила, что вниз не спускалась, что целый день занималась делами по дому и что увидела мёртвого хозяина вместе со всеми.

Лакей Джим Эверсли был довольно симпатичным молодым человеком лет двадцати пяти, крупным и немного неловким от застенчивости, с приятным лицом и честными карими глазами.

– Джим, кажется, это ты закрывал за мистером Саввинлоу, банкиром, в день смерти мистера Трелони? – спросил капитан, он решительно избегал произносить словосочетание «в день убийства».

– Да, я, сэр, – согласился слуга. – Закрыв и не успел отойти и двух шагов, как в дверь позвонил лорд Грей и попросил доложить о себе... Потом вышел хозяин, то есть, покойный мистер Трелони, и сам проводил посетителя к себе в кабинет.

Миссис Трелони на это уже ничего не сказала – она замкнулась в отрешённом молчании. Брови её остались поднятыми, губы скорбно поджались, словно она хотела воскликнуть: «Теперь ещё и лорд Грей! Не приличный дом, а проходной двор какой-то!»

Лакей Джим ничего интересного больше не сообщил, кроме того, что за лордом Греем он уже не закрывал, и что хозяин, надо думать, сам выпустил посетителя в дверь под лестницей.

Следом вошла приятная семейная пара Тредуэлл – садовник с кухаркой, чувствовалось, что они всегда и везде ходят вместе. Садовник был невысокий простоватый мужчина, он переминался с ноги на ногу и виновато моргал глазами. Его жена, круглолицая и опрятная женщина, спрятав под передником пухлые руки, добродушно улыбалась во весь рот. Она сообщила, что с кухни не отлучалась, а когда начался переполох в доме, выбежала вместе со всеми так быстро, что не сняла с плиты молочко, которое совсем дочиста выкипело к тому времени, когда она опять воротилась на кухню... Пропало молочко-то!

Садовник сказал, что он целый день был в саду, особенно с утра, что ничего не видел и не слышал, и говорил он с такой искренностью, что ему поверил бы даже лондонский судья.

И тут капитан спросил у него с удивлением:

– А как оказалось, почтеннейший, что под окнами кабинета хозяина в тот день была подавлена клумба?.. И когда её помяли? Может, накануне?

Садовник крякнул и заморгал пуще прежнего.

– Дык... Стал быть, – забормотал он. – Дык, её ж помяли в тот же день, стал быть... И какая собака успела подсуетиться, не пойму... Только-только я вернулся из лавочки – глядь, все цветы дочиста истоптаны.

– Так, значит, вы отлучались из сада, милейший? – Капитан улыбнулся.

– Дык, я ж только на минутку, за табачком, – сказал садовник, он ни капельки не смутился и не потерял искренности в голосе. – Табачок ведь у меня кончился-то...

– А вы кого-нибудь видели в лавке? – почему-то спросил капитан.

– Дык, конечно ж, видал! Старого знакомого видал, моряка с «Фортуны», – садовник явно обрадовался тому, что кто-то сможет подтвердить его слова. – Ну, мы с ним, стал быть, и перекинулись парой слов об ухе Дженкинса... А потом подошла соседская горничная за нитками. Хозяйки вышивать сели, да нужной нитки и не оказалась. А рисунок вышивки затейливый. Цвету разного много, да вот, как на грех, то есть, нужной нитки у них, и нету... Мы потом все вместе эту проклятушую нитку выбирали, замучались. До чего же цвет непонятный, стал быть!

– Всё ясно, Тредуэлл, спасибо, – сказал капитан, улыбаясь.

Новую горничную Глэдис дворецкий вызвал в гостиную скорее для порядка. Она ничего не могла сказать по существу и вскоре ушла, бросив заинтересованный взгляд на капитана.

Сильвия проводила служанку в спину недобрый взглядом, а миссис Трелони сочла своим долгом пояснить:

– Это моя новая горничная, мистер Эрроу. Старую горничную, Мэри Сквайерс, нашли убитой на утро после похорон мужа. Это так ужасно, я была привязана к бедняжке. Утром все сбились с ног в розысках. Мэри была очень порядочной женщиной и не позволяла себе отлучаться по ночам.

– Интересно, – пробурчал мистер Эрроу.

Потом он, капитан и обе леди прошли в кабинет с тем гнетущим чувством, которое вселивает в людей присутствие смерти. Здесь было душно, как в любой комнате, окна которой долго не открывали. Остановившись в дверях, стали вспоминать, как всё было. В кабинете с тех пор не убирали, только затёрли кровь возле стола. Рассказывал капитан, дамы иногда вставляли замечания.

– Мистер Трелони был убит ударом ножа в затылок, – начал капитан. – Смерть после такого удара наступает быстро, вы же знаете, а если попасть в нужную точку, то мгновенно... Удар был сильный, мастерский. Нож – самый обычный складной, матросский, его можно купить в любом порту. Такой нож есть у всех, да и у вас, мистер Эрроу, я думаю, тоже найдётся. Нападавший, на мой взгляд, подошёл к сквайру сзади – через открытое окно... Но на подоконнике следов не было... А вот на полу – не знаю, я тогда не вглядывался.

Тут ловкий человек вдруг достал из кармана жюстокора футляр, вытащил из него лупу, быстро подошёл к окну и присел на корточки.

– Да, следы есть, – пробормотал он, аккуратно перемещаясь на корточках вдоль подоконника. – Следы сапог, подкованных, с квадратными носками. Правая подковка стёсана слабее, чем левая... А впрочем, от окна нападавший шёл на цыпочках, а вот уже потом стал наступать на всю ногу.

Он так увлёкся, что, казалось, совсем забыл о присутствующих, которые слышали то его бормотанье, то лёгкий свист, то одобрительное восклицание. И всем на ум пришло, что мистер Эрроу сейчас похож на чистокровную охотничью собаку, которая рыщет взад-вперёд по лесу, повизгивая от нетерпения.

От окна мистер Эрроу переместился к столу. Тут капитан счёл нужным пояснить:

– Сквайр лежал слева от стола... Очевидно, он писал в это время.

– Очевидно, – невнятно, как эхо, отозвался ловкий человек. – Я вижу вытертую лужу чернил на столе.

Он замолчал, потом спросил вдруг:

– А бумаги были?

Ответил ему капитан, дамы потрясённо молчали:

– Нет. Бумаг на столе не было, только перо.

– А шум не слышали? – спросил мистер Эрроу, поворачиваясь к миссис Трелони.

– Видите ли, сэр, у кабинета толстые двери, – ответила та.

Минут десять, если не больше, мистер Эрроу продолжал свои поиски, тщательно измеряя расстояние между какими-то совершенно незаметными для всех следами на полу тряпочным портяжным метром, который он также выудил из кармана. Потом он перешёл к стене с секретерами, жестом остановив присутствующих, когда они потянулись за ним. Бумаги из секретеров всё ещё валялись на полу, часть ящиков по-прежнему была выдвинута.

– А что, всё-таки, пропало? – спросил он.

– Да, кажется, ничего, – ответила миссис Трелони. – А впрочем, я не берусь судить о бумагах мужа.

– А мистер Трелони держал в кабинете деньги? – опять спросил мистер Эрроу, не обращаясь.

– Нет, наши деньги лежат в банке... Ну, может он и держал какую-нибудь мелочь для деловых расчётов, – ответила миссис Трелони.

– А были ли у него в кабинете какие-нибудь драгоценности? – опять спросил мистер Эрроу.

Тут миссис Трелони не выдержала.

– Ах, нет! Конечно же, нет! Говорю вам, что ничего не пропало! – она повысила голос и подняла надменно одну бровь. – Вы можете сказать, в конце концов, что-нибудь по существу?

Только теперь мистер Эрроу повернулся к присутствующим.

– По существу? – переспросил он. – Могу, извольте... Убийца – невысокий человек, обут в подкованные сапоги с квадратными носами. Говорит эмоционально, с богатыми интонациями, сильно жестикулируя при этом, хотя в речи нет особой связности. Он может запинаться, издавать лишние звуки и даже слова... Пишет плохо, а скорее, вообще не умеет. По натуре – открыт, наивен, доверчив и очень внушаем, быстро утомляется. Способен тонко чувствовать и переживать, легко огорчается и приходит в состояние ярости, и тогда уж действует по настроению. Умён и ловок. Искал в кабинете вашего покойного мужа нечто большое, похожее на толстую книгу или шкатулку... Да! Вот ещё – спит на левом боку.

Сказав всё это тихим, размеренным голосом, мистер Эрроу сразу же откланялся.

Приглашение потрясённой хозяйки отобедать он не принял, сославшись на дела.

Сказать о том, что мистер Эрроу поразил всех своей основательностью, значит не сказать вообще ничего – весь обед дамы потрясённо молчали.

После обеда, войдя в гостиную, миссис Трелони, наконец, изумлённо выговорила:

– Но как он узнал?

Капитан с удовольствием рассмеялся и ответил:

– Это, кажется, было довольно легко. Но чистому стечению обстоятельств убийца вашего мужа оказался левшой. Я сразу это понял, когда обнаружилось, что левая подкова на сапоге преступника оказалась более стёсанной, чем правая...

– Но речь и жестикуляция? – вскричала миссис Трелони. – А то, что не умеет писать?

Капитан потёр переносицу.

– Ну, – сказал он задумчиво. – Это всё проистекает от предположения, что преступник левша... Если, конечно, мистер Эрроу правильно всё рассмотрел в свою лупу. Левши более

эмоциональны, открыты, импульсивны... У меня одно время на корабле был плотник-левша. Мистер Эрроу описал его характер очень похоже... К тому же, у таких людей плохо получается с письмом, а при повальной безграмотности нашего народа легко предположить, что преступник писать уж точно не умеет вообще.

– Да, но что спит на левом боку? – Не сдавалась миссис Трелони.

Капитан с удовольствием улыбнулся, отчего его челюстные складки проступили явственнее, а глаза заблестели.

– О, я думаю, это мистер Эрроу перед нами покрасовался... Хотя, конечно, левша должен чаще спать на левом боку, поджимая под себя левую, более сильную ногу...

И тут Сильвия, оживившаяся после улыбки капитана, спросила:

– А почему убийца искал толстую книгу или шкатулку?

– Потому что были распахнуты только большие ящики секретеров и стола, – ответил капитан. – Убийца явно искал что-то большое, например, шкатулку. Я сразу обратил на это внимание ещё тогда.

Тут все вспомнили о шкатулке и о дяде Джордже, который был в тот злополучный день в доме, но ничего об этом не сказал.

Немедленно за младшим братом покойного был послан слуга с наказом сей же час, если не раньше, явиться в дом.

Джордж Трелони пришёл: ему было явно не по себе от столь неожиданного приглашения.

Словно желая укрыться от глаз присутствующих, он поспешил сесть. Капитан опять удивился, как нелепо сидит на нём модный парик – он словно придавил собой тщедушную фигуру младшего Трелони.

– Джордж, – сказала хозяйка, пристально глядя на деверя. – Мне стало известно, что ты был последним в кабинете несчастного Джона. Зачем ты к нему приходил?

Если бы родственница зачитала Джорджу Трелони смертный приговор, то и тогда тот, кажется, не был бы так напуган, как сейчас. Он побледнел, уменьшился в размерах ещё больше, глаза его забегали, пальцы заметались по вышитым полам жюстокора. Наконец, он выдавил:

– Твои претензии, Гертруда, однако, странные... Я заходил к брату поговорить.

Он замолчал, потом добавил с радостным облегчением:

– И вообще, после меня у Джона ещё был преподобный Уильям Батлер. Я его видел, когда уходил в дверь под лестницей.

Дядя Джордж явно оправился от испуга и пришёл в себя.

И тогда миссис Трелони, слегка сбившаяся, впрочем, при упоминании о преподобном Батлере, громко спросила:

– А что тебе известно об испанском пергаменте? А?

Дядя Джордж тихо ойкнул и начал быстро рассказывать.

Рассказ его начинался, как сказочная история – с трёх братьев. Старший брат, Генри Трелони, умер года два тому назад где-то в Вест-Индии, средним братом был недавно убитый Джон, младшим братом был он, Джордж Трелони.

Вот на него-то теперь и смотрели собравшиеся напряжённо – дядя Джордж крутился, ёрзал на стуле, потел под тяжёлым париком, ему явно не нравился весь этот момент. Камзол свой он уже расстегнул, открыв взорам собравшихся великолепные кружева, прикрывавшие его грудь.

Молчание становилось тягостным.

– Папаша под старость совсем сбрендил! – вскричал дядя Джордж, вдруг разозлившись. – Он владел такими сокровищами и всю жизнь хранил эту тайну. Он хотел её нам завещать, видите ли!.. Думал порадовать, старый идиот! И перед смертью он отдал нам троим какие-то дурацкие вещи, в которых он спрятал приметы клада, чтобы мы все трое, сообща, этот клад

разыскивали... У него были мушинные мозги – большей глупости я не встретил за всю свою жизнь!

Дядя Джордж застыл. Рот его остался зиять тёмным отверстием. Он тяжело дышал, лицо налилось обидой и кровью.

Чуть успокоившись, он стал рассказывать дальше:

– Старший брат Генри сразу после смерти родителя уехал в Новый Свет... Кажется, Генри там женился, но связь с ним мы практически потеряли, а потом пришло известие о его смерти.

– Покойный мистер Трелони общался с братом, – вдруг сказал капитан.

Все повернулись к нему, а дядя Джордж от резкости своего движения чуть не потерял равновесие, чудом задержавшись на стуле.

– Покойный посылал меня к семье Генри Трелони. Впрочем, вдову я не видел, – добавил капитан, он был скуп на слова.

И тогда миссис Трелони спросила у деверя:

– Джордж, а что есть у тебя? Какие вещи дал тебе отец?

Дядя Джордж молчал, уставившись в одну точку, он словно что-то силился сообразить и, наконец, сдавленно выговорил:

– А что есть у тебя?

– Джордж, не пори ерунду, – нетерпеливо сказала миссис Трелони, которую, кажется, навсегда покинуло английское хладнокровие. – Никто тебя не намерен обмануть. Сокровище большое – всем хватит!

Дядя Джордж заломил руки: казалось, он сейчас лишится чувств.

– Ах, если бы это знать наверняка! – воскликнул он и уже спокойнее добавил: – У меня только середина манускрипта. Я его перевёл, по кусочкам отдавал текст разным людям. Там только описание сокровищ, которые ещё больше меня раздражили! Начало и конец документа остались у моих братьев.

Сильвия встала и подала дяде воды. Всё время, пока тот жадно пил, она стояла возле него и смотрела с жалостью, потом забрала стакан.

– А ещё у меня есть кусок гобелена, – сказал дядя Джордж, вытерев рот кружевным платком: было видно, что он вдруг решился.

– Это всё? – спросила миссис Трелони строго.

– Почти, – ответил дядя Джордж и потупился.

– Сейчас ты у меня получишь! – голос миссис Трелони был суров.

Дядя Джордж сложил умоляюще руки, он чуть не плакал.

– Ах, Труда, поверь, я же и сам не знаю! – вскричал он. – Говорю же тебе! Папаша перед смертью совсем сбрендил, что твой ребёнок... Нёс какую-то чепуху, подмигивал, метался по постели... Он надавал нам кучу всякой ерунды, Джону – какие-то морские камушки, кружева, мне всучил две свечки. При этом он мерзко хихикал так, что я готов был убить его на месте тут же!.. Он точно был доволен собой!

– Где эти свечки? – почти в голос вскричали все. – Они сохранились?

Дядя Джордж приосанился.

– Конечно, сохранились, – ответил он. – Я берег эти два ничтожных подсвечника, как нищий не бережёт свою последнюю монету. Даже свечек не зажигал... Они у меня дома. Я их принесу.

Услышав это, собравшиеся в чисто английской манере, почти хором, сказали всего одно слово, а вернее всего одну букву:

– О!..

И договорились встретиться завтра утром.

«Однако же, каковы братья, – думала миссис Трелони, готовясь ко сну. – И муж-покойник. Таким тихоней прикинулся». Она нанесла себе под глаза смесь розового масла. Миссис Трелони, как истинная женщина, конечно же, пользовалась всякими эссенциями и ароматическими смесями. Особенно она любила свой собственный бальзам с эфирным маслом розы, состав которого не сообщала никому, даже Саре Уинлоу, но кожа миссис Трелони после этого бальзама, – прямо на следующее утро, – становилась упругая и гладкая, как у младенца.

Что? Вы мне не верите? Так попробуйте сделать что-нибудь сами с маслом болгарской розы!

Убаюканная розовым благоуханием миссис Трелони сладко заснула.

Ей снились далёкие дивные страны, роскошные сады и то, о чём она наяву никогда не давала себе смелости подумать.

На следующий день все собрались опять, даже дядя Джордж не опоздал и ничего с ним не случилось.

Он принёс обещанные «дурацкие вещи»: пергамент, кусок гобелена и два подсвечника. Сначала капитан развернул гобелен, и все столпились вокруг него, всматриваясь.

На куске гобелена, явно прерванном со всех четырёх сторон, словно это был фрагмент чего-то большого, были изображены две горы. С правой горы, с её середины, падал водопад. Водопад особенно удался гобеленному мастеру: был он полноводным, пенистым, и шум его, казалось, чудился даже неискущённому зрителю. У подножия гор зеленела трава, виднелись деревья, лежали камни, текла небольшая речушка – ничего особенного. И гобелен отложили и занялись подсвечниками.

Это были две парные горгульи из олова, именно парные, а не одинаковые. Они, казалось, смотрели на собравшихся и злобно посмеивались, причём одна смотрела направо, вторая налево. Когтистые лапки этих химер, которые всегда по канону сидели на крышах готических зданий, тоже были подняты неодинаково, а крылья струились за спиной, как демонические плащи. Особенно мастеру удалось выразить бесовскую сущность горгулий – ну просто твари, причём твари явно себе на уме.

Капитан подумал, что подсвечники эти, конечно, не «ничтожные», а высокого мастерства предметы, хоть и сделанные, что странно, из олова. Потому что из олова отливалась посуда, которую не нагревали на огне, а здесь из олова были отлиты подсвечники, которые в любую минуту могли расплавиться от догорающей свечки. Значит, подсвечники эти явно не были предназначены для повседневного пользования...

Потом все принялись разглядывать новую часть манускрипта и увидели тот же неясный шрифт, те же потёки по краям. Больше рассматривать было нечего, и капитан продемонстрировал дяде Джорджу то, что они успели обнаружить до него. Рассыпавшаяся на «выкройке» шкатулка потрясла воображение нового члена «розыского общества», подзорная труба озадачила, а кружева тот небрежно отложил в сторону.

Потом капитан раскрыл на столе «выкройке» мозаичным набором вверх, а подсвечники поставил на круглые большие украшения из перламутра. У него получились две крестообразные, скреплённые между собой «выкройке», в самых крайних точках которых стояло по подсвечнику.

– И что удивительно, основание подсвечников пришлось точно по размеру перламутровых вставок, – пробормотал он.

Капитан развернул химер от себя спинами, потом опять крутанул к себе бесовскими харями – химеры взирали на него и ухмылялись.

– Что такого сложного мог придумать старый джентльмен, каких нагородить тайных шифров? – с досадой проговорил он. – Ведь не тамплиер же он, в самом деле! И где, хотел бы я знать, та часть документа, что предназначалась покойному сквайру?

Этот вопрос озадачил всех. А в самом деле, где же третья часть документа, возможно, самая важная и, возможно, с описанием места, где эти сокровища спрятаны?

В этом была загадка.

Глава 3. Томас находит странный предмет

Тут в гостиную заглянул Томас, о котором все забыли и который в дальней комнате всё это время занимался стульями.

А реставрация стульев, надо заметить, есть процесс крайне трудоёмкий. Томас аккуратно снял с сидения одного, потом второго стула старую кожу, убрал промятый ватин и обомлел... В углублении, сделанном в сидении, лежал плоский предмет, с которым он и поспешил в гостиную к миссис Трелони.

Все были потрясены: капитан бросился к Томасу, женщины поднялись со своих мест и застыли с юбками в руках, а дядя Джордж стал суетиться вокруг капитана, заглядывая то с правого, то с левого его бока. Потом он выхватил у капитана находку и поспешил к окну. Там он стал крутить находку, явно ничего не понимая, потому что это было настольное зеркало в оловянной рамке, которое стоит, если отогнуть сзади его ножку.

– Джордж, да дай же и нам посмотреть, в конце концов! – выговорила миссис Трелони и начала боком выбираться из-за стола.

Покрутив зеркало по-всякому, она понесла его к Сильвии, которая всё это время почему-то смотрела на капитана. Тот тоже подошёл к столу. Томас, забытый всеми, продолжал стоять в дверях.

– Ну, капитан, что вы об этом думаете? – нетерпеливо спросил дядя Джордж.

– Я думаю, что этот предмет сделал тот же мастер, который отлил подсвечники, – ответил капитан и попросил Томаса: – Посмотри!

Томас рассмотрел подсвечники, оглядел ещё раз зеркало и произнёс:

– Да, это явно одна рука, один и тот же мастер. Это видно и по сюжету. И там, и там изображены горгульи, а они по канону всегда сидели на храмах в виде водостоков и низвергали воду! А сами подсвечники – это просто чудо, что такое!

И опять все, как зачарованные, посмотрели на Томаса. Капитан взял со стола гобелен и задумчиво проговорил:

– А знаете, а ведь этот гобелен совсем не пустяк. Водопад же тоже низвергает воду.

И все оживились, а дядя Джордж даже приосанился от гордости, искоса на всех поглядывая.

Капитан спросил у хозяйки:

– Миссис Трелони, а откуда в вашей семье эти замечательные стулья?

– Ах, стулья! – та запнулась, вспоминая, и ответила: – Так ведь стулья достались нам после кончины матери покойного Джона, старой миссис Трелони.

И все опять посмотрели на дядю Джорджа, а капитан спросил:

– Мистер Трелони... А как происходила передача вам, трём братьям, этих «дурацких вещей» вашим батюшкой? И не было ли в комнате этих двух стульев?

– Джордж, вспоминай сейчас же! – воскликнула миссис Трелони, она, казалось, первая уловила мысль капитана. – Вспоминай немедленно, слышишь!

– А мне не надо вспоминать об этих стульях, – ответил тот, вдруг помрачнев. – Я и так всё прекрасно помню. На этих стульях в тот вечер сидели два моих старших брата, а я один стоял.

Джордж Трелони прекрасно помнил ещё одно унижение, которому его подверг отец перед смертью. Тот, посадив старшего Генри и среднего Джона на стулья из морёного дуба, стал рассказывать о сокровище, с усмешкой поглядывая на младшего стоящего сына. И в этом не было для Джорджа Трелони ничего нового. Он знал, что отец его не любит и им пренебрегает... Но разве он виноват, что получился таким маленьким и тщедушным? Тут претензия больше к отцу с матерью, что его такого родили, а скорее, к самому Создателю, что тот не потрудился сообразить сделать что-нибудь приличнее.

Сильвия тронула дядю Джорджа за руку, посмотрела ему нежно в глаза и спросила:

– Дядя, голубчик, а какие ещё предметы были в комнате? Что ты помнишь?

– Что я помню? – переспросил тот и начал говорить даже с каким-то воодушевлением: – Я ещё помню большой дубовый сундук. Его потом забрал к себе Джон.

– Ах, это верно тот сундук, что стоит в гостевой спальне! – Миссис Трелони всплеснула руками. – Мы складываем туда летние вещи!

Немедленно крикнули лакея Джима, и скоро сундук, вместе со всем содержимым, был доставлен в гостиную. Женщины принялись освобождать сундук от вещей. Дядя Джордж нервно ходил в стороне, капитан с Томасом стояли у окна. Наконец, сундук был готов для осмотра.

Это был основательный сундук, покрытый богатой резьбой-арабеской времён королей Тюдоров. И вдруг совершенно неожиданно из прихожей донёсся звон дверного колокольчика. Все замерли, глядя испуганно друг на друга. Вошёл дворецкий и доложил о Саре Уинлоу. Миссис Трелони, принимая невозмутимый вид, пошла встречать гостью.

Все засуетились. Бесчисленное содержимое сундука и «дурацкие вещи» стали опять запихивать в сундук – содержимое запихиваться не хотело. Наконец, крышку сундука захлопнули, и на неё, для верности, сел дядя Джордж, раскрасневшийся, с лихорадочно блестящими глазами.

Тут в гостиной появилась явно взволнованная миссис Уинлоу. Она подняла брови над круглыми глазами и сказала высоким голосом:

– Ах, господа, вы ничего ещё не знаете! Сегодня ночью в своём доме была убита Меган Белью!

Миссис Уинлоу обвела собравшихся тёмными глазами, пытаясь прочесть в их лицах эффект от своей новости.

Потом, заметив сундук с сидящим на нём взбудораженным мистером Трелони, она от удивления спросила прямо:

– А чем вы тут занимаетесь?

– Да вот я хочу отдать молодому человеку сундук для реставрации, – выдавила миссис Трелони через силу и приказала: – Томас, вы можете идти.

– И заберите с собой сундук! – поспешно проговорил дядя Джордж.

Он вскочил. Тотчас же все зашевелились: Сильвия подошла к гостье, а Томас с капитаном понесли сундук вон. Дядя Джордж сначала, было, потянулся за ними, потом повернул назад, успев многозначительно посмотреть на Томаса, который пятился задом в двери.

Когда друзья втащили сундук в мастерскую, Томас посмотрел на капитана и ахнул:

– Дэн, да на тебе лица нет! Что с тобой?

– Подожди, – выдал тот и упал в кресло.

Капитан был просто убит.

Услышав о смерти миссис Белью, он ощутил сильное и острое чувство, похожее на вину, полоснувшую его как ножом... Если бы он в тот вечер был с Меган, она бы не умерла... Меган, нежная, страстная Меган. Такая очаровательная, такая манящая! Если бы он был с ней! Но он не пошёл, неизвестно почему не пошёл, хотя всё тело его стремилось к ней, жаждало её... Да, конечно, у него не было времени, у него не было ни секунды свободной, но он ведь сразу решил, что не пойдёт, даже не колебался ни минуты, хотя раньше также ни минуты не колебался, что пойдёт, и будь у него побольше настойчивости, он мог бы отыскать возможность и найти это время! Но он не отыскал.

Ах, если бы он только знал!.. Если бы он только знал!..

Томас занялся обтяжкой второго стула, методически накручивая петли и вытягивая иглу. Он ничего не спрашивал у друга, только иногда искоса посматривал в его сторону. Капитан ссутулился, наклонился вперёд, спрятав лицо в ладонях.

Наконец, он встал и растянул губы в улыбке, словно за время сидения в кресле у него парализовало лицевые мускулы. Выговорил:

– А что, Том, не пойти ли нам домой? Надо только отдать миссис Трелони все её вещи.

Тут в комнату вошла хозяйка и запричитала:

– Ах, в какое страшное время мы живём! Я сейчас вам расскажу, что сообщила Сара Уинлоу... Она узнала от констебля Эбони.

– Не надо, миссис Трелони, – остановил её капитан. – Уже поздно и вы, наверное, устали... Я сам завтра поговорю с констеблем. А сейчас давайте подумаем, куда мы сложим все вещи.

Миссис Трелони замолчала, поджав губы.

– Мы уже обсуждали это с Джорджем, – сказала она. – Пусть все вещи так в сундуке и останутся. Он тяжёлый, его так просто не унести. А поставить сундук надо ко мне в спальню – я сплю тутко.

Капитан согласился, и они с Томасом, не прощаясь больше ни с кем, пошли к себе на корабль. А миссис Трелони подумала, что мужчины, даже самые лучшие из них – ужасно бесчувственные существа. Ну, просто ужасно!.. Даже не узнать подробностей смерти миссис Белью!..

Но мы-то с вами знаем, дорогой читатель, что это не так.

Просто, как писали великие умы XVIII века, «всё, что нам кажется холодным, лишь менее тёпло, чем наши органы чувств».

Ночью капитану приснился совсем короткий сон, что он тонет в морской пучине цвета глаз Сильвии Трелони.

Это он, даже находясь в смертной, мучительной тоске, почему-то знал совершенно определённо. Он чувствовал, что тонет, даже с каким-то нестерпимым, болезненным наслаждением чувствовал, но не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, да и не хотел этого делать почему-то. Вода затягивала его, обволакивая, вбирая в себя, и была она тёмная, бездонная и манящая...

В ужасе он проснулся: для моряка тонуть во сне – это что-то особенное. Он сел на койке, тяжело дыша, и сидел какое-то время, стараясь прийти в себя. Сердце колотись, как загнанное.

На следующее утро, даже не позавтракав, капитан пошёл разыскивать констебля Эбони. Настроен он был решительно – как обычно, а не так, как вчера.

Все последние годы своей недолгой жизни капитан сражался с невзгодами с отчаянной весёлостью, как бы говоря судьбе: «А-а, теперь ещё и это». Давно прошло то время, когда он, будучи юнцом, заламывал руки при всякой обиде или насмешке Фортуны, думая, что так жестоко жизнь обращается только с ним одним.

Нет, жизнь такая была у всех, и бесплатных пудингов ни у кого не было, это он знал теперь точно... Теперь он только хлопал себя по ляжкам, хмыкал и улыбался, отчего у него ещё резче проступали жёсткие складки у рта, а весь он становился, как бы «кусачее»... «Нет, – думал капитан, – его теперь так просто не прошибёшь».

Этим же утром к Сильвии пришла её подруга Мэри Уинлоу, и они сели за декупаж.

Эта техника декорирования мебели и других предметов обихода, дорогой читатель, в эпоху рококо была очень популярна, наряду с вышиванием, среди юных девушек и даже дам. Страсть к вырезанию была такой пылкой, что мастерские специально производили гравюры на бумаге. Сюжеты гравюр были самые разнообразные – от дальневосточных пагод и гуляющих японских красавиц до цветов, херувимов, музыкальных инструментов и гирлянд.

Сейчас юные подружки трудились над шкатулками. Они вырезали ножничками картинки из бумаги и приклеивали их на основу. Гравюра Сильвии была с типично японским сюжетом «цветы и птицы»: над ветками распускающейся сливы невесомо порхали миниатюрные птички. Мисс Мэри понравилась пасторальная тема: грациозные пастушки пасли овец, нежных и белых, как весенние облачка.

Работа была кропотливая. Иногда девушки спрашивали что-то друг у друга, одалживали кисточку, шутили. Но надо сказать, что смеялась больше, почему-то, мисс Мэри, и её довольно заурядному лицу улыбка добавляла пикантности: девушка была очаровательна своею юностью.

– Нет, ты только посмотри, Сильвия, что за чудо эта овечка! – сказала Мэри и подняла восхищённо тонкие брови, что сделало её саму похожей на маленькую пастушку. – У неё такая мордочка, что хочется смеяться!

– А мне больше нравится моя птица, та, что летит за бабочкой, – ответила Сильвия, она была бледна по обыкновению, что, впрочем, делало её ещё интереснее.

Мэри покосилась на работу подружки и согласилась:

– Да, хорошенькая птичка. И та, что сидит на ветке – тоже славная...

– Мэри, подай мне тот лист, что рядом с тобой, – попросила Сильвия.

– Возьми, дорогая, – ответила ей Мэри и продолжила в увлечении. – Как жаль, что мужчинам не нравится декупаж, и что им занимают исключительно только девушки... Мужчины, наверно, в этом просто ничего не понимают.

– Настоящие мужчины, я думаю, понимают, – ответила Сильвия.

Мэри сосредоточенно приглаживала юбку пастушке.

– А ты не знаешь, сколько лет капитану Линчу? – вдруг спросила она.

– А причём здесь капитан Линч? – воскликнула Сильвия, и её голос неожиданно стал ледяным и звенящим.

Юная Мэри обмерла. Она откинулась на спинку стула, открыла рот, силясь ответить хоть что-то, но ничего не могла, как назло, придумать. Её лицо залилось краской: все любят разгадывать других, но никто не любит быть разгаданной. Бедняжка Мэри не заметила, как выдала себя, потому что с самых похорон она только и думала, что о голубых глазах капитана Линча.

Конец дня был безнадежно испорчен: девушки удрученно молчали. Расстроенная Мэри не осталась на чай и вскоре ушла. Сильвия её не задерживала. У неё ныло сердце и хотелось с кем-то перемолвиться словом. За чаем миссис Трелони, не замечая состояния дочери, всё говорила и говорила, как всегда, впрочем, о чём-то своём. Сильвия её почти не слушала и отвечала невпопад. Пикантная нижняя губка девушки выдавалась вперёд всё больше и больше, на щеках появился лихорадочный румянец.

Дворецкий Диллон, пришедший проверить, не нужно ли чего господам, исподтишка покосился на Сильвию и, сжав губы, чинно удалился.

А между тем миссис Трелони говорила дочери о серьёзных вещах, она говорила о своей ушедшей молодости – тема весьма болезненная для женщин, да и для мужчин тоже, перешагнувших уже определённую возрастную черту.

Впрочем, Гертруда Трелони, несмотря на свои сорок четыре года, всё ещё сохраняла остатки былой красоты, да и выглядела моложе своих лет. Это бывает почти всегда с женщинами, сохранившими ясность духа, чистоту сердца и свежесть впечатлений до старости – и это один из секретов не потерять красоты даже с возрастом. Волосы её уже начинали редеть и седеть, возле глаз давно появились маленькие лучистые морщинки, и всё-таки лицо это было прекрасно, как только может быть прекрасно лицо женщины в возрасте. Но она этого не замечала: так уж получается всегда, что мы в своих мыслях, создавая идеал, равняем почему-то на себя двадцатилетних.

Покончив с чаем, Сильвия ушла к себе.

Миссис Трелони осталась сидеть одна в столовой, покусывая ноготь большого пальца. Несчастье – великий учитель, и у неё в последнее время появилась эта дурная привычка. Вошёл дворецкий. Миссис Трелони словно очнулась и велела убирать посуду со стола.

Она пошла в гостиную: сейчас должен был подойти молодой джентльмен, которого милейший банкир Саввинлоу рекомендовал ей в качестве управляющего. Ведь после смерти мужа как-то надо было вести дела.

А Сильвия пришла к себе в комнату, решительно взяла недоделанную шкатулку-декупаж, несколько листов японских гравюр и направилась к Томасу в «мастерскую».

Увидев Сильвию, Томас поспешно вскочил, так что с его колен на пол упал инструмент, и поздоровался. Он казался сбитым с толку: его полные красные губы смущённо улыбались, славное круглое лицо залилось застенчивым румянцем.

– Я пришла к вам посоветоваться, мистер Чиппендейл, – начала Сильвия чопорно и запинаясь. – Возможно, вы мне поможете доделать это... Я не знаю, что и куда ещё приклеить.

И она протянула Томасу шкатулку.

То ли в силу простого стечения житейских обстоятельств, то ли из-за природного чувства прекрасного Сильвия приобрела в лавке японские гравюры с очень простым, но удивительно гармоничным изображением весенней сливы. Шкатулку девушка ещё не закончила, и та была обклеена картинками только наполовину.

Томас пристально посмотрел на шкатулку и сказал:

– Я осмелюсь рекомендовать вам, мисс Трелони, не обклеивать эту шкатулку полностью. Она сейчас – уже прелесть, почти совершенство.

Увидев, как красивые брови Сильвии удивлённо взлетели вверх, он поспешил объяснить:

– Понимаете, в дальневосточных канонах прекрасного понятию «пустота» всегда отводится особое место... Древние китайские мудрецы считали, что только в пустоте заключена истинная сущность, потому что только в пустоте возможно движение... Ведь полезность пустого кувшина состоит в том, что туда можно налить воду, вы не находите? И этим пустой кувшин прекрасен. Пустота всемогуща, потому что она содержит всё.

– Да, но шкатулка сейчас получилась однобокой, – попыталась возразить Сильвия, хотя слова Томаса ей понравились.

– Ой, а разве в природе всё симметрично? – спросил Томас и заговорил, всё больше и больше увлекаясь: – У японцев роспись всегда подчёркнуто однобока и обрывочна. Как в природе, как в жизни... Зарисованные места у них чередуются с пустыми, но эти пустоты как раз очень нужны. Они дают простор и даль, и ощущение воздуха, в который погружено всё вокруг... И эта однобокая роспись на самом деле создана внутренним равновесием.

Томас, прищурившись, посмотрел на шкатулку. Сказал задумчиво:

– Знаете, мисс Трелони... В японском искусстве всегда особенно ценятся переходные состояния. Нечто зыбкое, неуловимое... Что замерло на миг, но вот-вот произойдёт. Давайте приклеим вот сюда маленькую птичку... Нет-нет, вот ту, которая порхает перед веткой, словно выбирает, куда ей сесть. Она даст нам равновесие и заодно недосказанность.

Томас сел за свой рабочий стол, взял нож и стал ножом вырезать птицу.

Сильвия неожиданно даже для себя самой спросила:

– А скажите, Томас, капитан Линч – хороший друг?

– Да, очень хороший, – ответил Томас, даже не удивившись вопросу.

Он спокойно смотрел на Сильвию и улыбался.

– Вы родились с ним в одном городе? – спросила девушка, глаз она не поднимала, разглядывая птицу, и её голос при этом был едва слышен.

– Да, в Отли... Это совсем маленький городок в Йоркшире.

– А сколько вам лет?

– Мне – двадцать... А капитану Линчу – двадцать пять. Он на пять лет меня старше.

– А капитан Линч женат? – вдруг вырвалось у Сильвии, она подняла глаза и тут же опустила к шкатулке, руки у неё дрожали.

– Нет, не женат, с чего вы взяли? – поспешил ответить Томас. – Дэн всегда смеётся, что он никогда не женится потому, что у него уже есть жена – его шхуна.

Тут двери открылись, и несколько боком из-за пышной юбки в комнату вошла миссис Трелони. Она увидела Сильвию и сказала:

– Как хорошо, что я тебя, наконец, нашла, дорогая. Пришёл капитан Линч. Пойдём, я уже послала за дядей Джорджем. Мы опять собираемся.

И повернувшись к Томасу, она добавила официально:

– Мистер Чиппендейл, вас я тоже приглашаю, разумеется.

Капитан вошёл в гостиную, и все заметили, что вид его несколько изменился за прошедшие сутки – стал жёстче и ещё решительнее.

Он поздоровался со всеми и предложил собираться теперь не в гостиной, а в какой-нибудь другой комнате. Хватит им того конфуза, который все испытали, когда вчера неожиданно пришла миссис Уинлоу.

Когда все расселись вокруг стола, миссис Трелони задала вопрос, который со вчерашнего дня волновал её необычайно. Она даже ночью долго не могла уснуть, а потом спала плохо, впрочем, как всегда в последнее время. Она беспрестанно просыпалась и вставала пить, а потом сидела на постели в темноте, глядя перед собой застывшими глазами.

– Скажите, Дэниэл, что вы узнали о смерти миссис Белью? – спросила она. – Бедняжка была такая красавица.

Нос миссис Трелони покраснел, а глаза налились слезами: сказать, что все эти смерти на неё сильно повлияли, значит, ничего не сказать – она была сама не своя всё последнее время.

– Служанке перерезали горло в хозяйской спальне, – помолчав, ответил капитан. – А на теле мисс Белью никаких видимых повреждений не было. Её нашли в той же спальне, сидящей на стуле и привязанной к нему. Констебль Эбони говорит, что узлы на верёвке морские... Вещи в комнате все перерыты – возможно, что-то и пропало, но сказать точно пока нельзя. Горничная мертва, а хозяин, мистер Белью, на вопросы не отвечает, а только смотрит в одну точку и ни на что не реагирует... Преподобный Батлер даже тряс его за плечи. Соседский доктор предполагает, что миссис Белью умерла от разрыва сердца. Констебль решил задержать мужа миссис Белью, чтобы тот в суде или признался в совершенном преступлении или доказал свою невиновность.

– Но почему? – поражённо спросили все в один голос.

– На основании того, что мистер Белью в своём загородном доме не ночевал, как показали слуги, а приехал откуда-то только под утро, – ответил капитан и добавил: – А ещё из-за морских узлов на верёвке... Ведь муж миссис Белью – бывший морской капитан. Только мне кажется, что он здесь не при чём.

– Но почему? – спросила миссис Трелони.

– Потому что вашей горничной Мэри Сквайерс тоже перерезали горло в порту аналогичным способом, – сказал капитан. – Констебль говорит, что удары, на первый взгляд, очень похожи. А представить, что мистер Белью отсутствовал дома и в ночь убийства горничной уже как-то сложно. Да и это легко проверить, опросив слуг... Но я ещё хочу поговорить с ловким человеком мистером Эрроу, возможно, он что-то слышал об этом.

Некоторое время в комнате стояло тяжёлое молчание. Когда вот так неожиданно из жизни уходит молодое и красивое существо, все потрясены, во-первых, а во-вторых, потом все произвольно мыслями оборачиваются на себя.

Молчание нарушил капитан.

– Итак, господа, давайте ещё раз посмотрим, что же мы имеем? – сказал он и стал выкладывать все предметы, пока не дошёл до зеркала.

Взяв его в руки, он пододвинул к себе горящий канделябр, посмотрел на пыльную зеркальную поверхность внимательно, потёр зеркало пальцем и удовлетворённо сказал:

– А между тем это не стеклянное зеркало, а металлическое, и относится оно, возможно, к тем временам, когда стеклянных зеркал ещё не знали, а изготавливали зеркала из специальных сплавов, секрет которых теперь почти утерян. Вот только отражение его могло быть и лучше... Но что же вы хотите? Ведь оно же сферическое!

– Какое? – ахнули собравшиеся.

– Сферическое, – повторил капитан, опять повертел зеркало и добавил: – Или даже эллипсоидное. Проще говоря, это зеркало вогнутое, а такие зеркала обычно концентрируют энергию пучка света, собирая его. А вот выпуклые – наоборот, рассеивают.

И капитан вдруг отложил зеркало и без всякого перехода стал осматривать сундук, тот самый, что стоял в комнате Трелони-отца. Потом он попросил дать ему ключ от сундука, потом развернул, с некоторым усилием, сундук к себе тыльной стороной, опустился перед ним на колени, вставил ключ куда-то в самом низу сундука, повернул, потянул на себя и вытащил из сундука...

Давайте назовём это поддоном, потому что больше всего эта деталь напоминала поддон.

Собравшиеся вытянули шеи, потому что в поддоне лежал манускрипт. И все тут же поняли, что это, верно, последняя часть испанского манускрипта с координатами места, где зарыто, или спрятано, или положено сокровище.

Боже мой!

Капитан пружинисто поднялся и подошёл с поддоном к столу. Все ринулись за ним посмотреть.

– Позвольте мне, капитан, – вдруг сказал скороговоркой дядя Джордж, оттесняя капитана боком и выхватывая манускрипт из поддона. – Я знаю испанский!

И дядя Джордж жадно проглядел манускрипт со всех сторон, резко отодвинул поддон, – причём все кинулись ему помогать, – и рывком пододвинул к себе канделябры так, что свечи затрещали и чуть не погасли.

Да, это была третья часть испанского документа, только ещё больше повреждённая водой. Это собравшиеся поняли сразу: они увидели кривые, все в пятнах, строчки знакомого текста, который к концу документа становился всё более неразборчивым от потёков, а местами и совсем пропадал. Дядя Джордж склонился к манускрипту, загородив тем самым его локонами своего длинного парика.

– Сначала идут описания сокровищ, – выдавил он, наконец, и снова умолк.

– Ну и что, Джордж? Говори! Ты измучил меня! – вскричала миссис Трелони: она заколотила деверя по спине.

– Труда, мне больно! Ты меня убьёшь! – взвизгнул тот и прокричал вдруг отчаянным, истошным голосом: – Тут нет координат!

– Как нет? Не может быть! Этого просто не может быть! – закричали собравшиеся на разные голоса, и даже капитан, стоявший всё это время с тихой улыбкой, подался вперёд.

– Ну, конечно, они есть, но я не могу их разобрать! – наконец, выдохнул раскрасневшийся дядя Джордж, он отшвырнул пергамент, сбросил с себя парик, схватился за голову и завопил: – Рукопись размыло!

Тут все закричали, причём закричали каждый своё, не слушая один другого и стараясь перекричать. Они кричали всё громче и громче, и всё отчаяннее, как вдруг...

– Мол-чать! – вдруг разнёсся громоподобный голос капитана, который, казалось, забыл в эту минуту, что перед ним не матросы. – По местам стоять! Слушать мою команду! Рукописи не размывает!

Все застыли от изумления, а капитан приказал внести больше свечей и подать ему лупу.

Дамы засуетились, Томас бросился за лупой в мастерскую, а дядя Джордж со стиснутой руками головой стал качаться на стуле вперёд-назад, как будто бил поклоны.

Иногда он поднимал глаза к потолку и беззвучно шептал, может быть, молился, а может быть, проклинал кого-то – было не разобрать.

Когда требуемые лупа и свечи были доставлены, капитан повернулся к дяде Джорджу и спросил его удивительно спокойным и как бы совершенно не к месту тоном:

– А когда вы успели изучить испанский, мистер Трелони? Ведь для своей части документа вы искали переводчиков?

Дядя Джордж перестал раскачиваться и посмотрел на капитана остекленевшим взглядом. Потом глаза его прояснились, и он тоже удивительно спокойно ответил:

– Так ведь за эти годы я, разумеется, выучил испанский. Я сразу понял, что мне это понадобится. У меня даже дворецкий испанец.

– Ну, тогда давайте посмотрим рукопись ещё раз... Я уверен: все вместе мы сумеем что-нибудь обнаружить, – Капитан приглашающе показал рукой на стол.

Дядя Джордж решительно встал. Парик он уже не надел и выглядел с короткими волосами ужасно незащитным – дамам захотелось его приласкать, как ребёнка.

Все склонились к третьей части документа.

Да, документ был основательно подмочен. Капитан предположил, что это, видно, случилось от того, что в свёрнутом свитке эта часть манускрипта была самой наружной.

Сначала в манускрипте, как и говорил дядя Джордж, шли перечисления сокровищ, какие-то названия и имена, ничего не говорящие нашим героям. Они отмечали только с удовлетворением слова «золото», «серебро», «чеканный», «чернёный», «с изумрудами», «с камнями» и прочие термины из ювелирного дела. И ещё радовало, что слов «золотой», «золочёный», «литого золота», «крупинчатого золота» было гораздо больше, чем прилагательных от слова «серебро». Это завораживало и кружило голову.

Потом с текстом рукописи начались трудности: пошли пятна, затеки туши, иногда совершенно пустые, размытые места. И то, что можно было прочитать под лупой, явно указывало на какое-то место.

Но координаты всё-таки имелись. Да были же они, чёрт их возьми! Но не полностью.

В градусах долготы плохо читалась одна, самая первая, цифра – от неё сохранилась одна вертикальная палочка. И «розыскное общество» долго спорило, что это было – «1», «4» или «7». Походило и так, и эдак. В градусах широты были почти совсем размыты обе цифры. Причём от первой цифры осталась вертикальная палочка с верхним хвостиком, которая указывала то ли на «1», то ли на «4». А вторая цифра широты могла читаться или как «0», или как «9». Но что самое удивительное: минуты и градусы координат были целёхонькие... Ну, как вам это нравится?

Хотя, что же вы хотите, дорогой читатель? Это только в романах все координаты у героев обычно наличествуют – прямо бери и плыви на остров сокровищ. В жизни совсем не так, поверьте.

И собравшиеся помрачнели.

Тут капитан сказал:

– Ничего, на самом деле, страшного.

Он сел за стол и некоторое время сосредоточенно писал, обводил и подчёркивал. Наконец, поднял глаза на присутствующих и произнёс бодрым голосом:

– Даже с учётом того, что некоторые цифры размыло, мы имеем, если я не ошибся, вот такое их сочетание, составляющее предполагаемые наши координаты. Таких парных сочетаний получается не так уж и много – всего двенадцать. К тому же некоторые, я уверен, придутся на места вполне уже изученные, а другие – на места совсем неподходящие. Поэтому методом исключения мы выберем координаты, самые оптимальные для нас.

Все заулыбались и принялись изучать таблицу, которая и приводится ниже.

1 Долгота 73°22'40"W
Широта 19°59'47"N

2 Долгота 73°22'40"W
Широта 49°59'47"N

3 Долгота 73°22'40"W
Широта 10°59'47"N

4 Долгота 73°22'40"W
Широта 40°59'47"N

5 Долгота 13°22'40"W
Широта 19°59'47"N

6 Долгота 13°22'40"W
Широта 40°59'47"N

7 Долгота 13°22'40"W
Широта 49°59'47"N

8 Долгота 13°22'40"W
Широта 10°59'47"N

9 Долгота 43°22'40"W
Широта 19°59'47"N

10 Долгота 43°22'40"W
Широта 49°59'47"N

11 Долгота 43°22'40"W
Широта 10°59'47"N

12 Долгота 43°22'40"W
Широта 40°59'47"N

Изучали долго. Потом капитан расправил плечи, аккуратно свернул лист с таблицей и сказал, что в координатах он разберётся сам, а сегодня им с Томасом лучше раскланяться. Все с ним согласились.

Провожая капитана и Томаса, миссис Трелони сказала:

– Вы только подумайте, Дэниэл, я даже представить не могла, что сзади сундука есть ещё одна замочная скважина. Ну, стоит себе сундук в углу и стоит! До завтра!

Друзья вышли, и на улице капитан сообщил Томасу:

– Мы сейчас с тобой зайдём к мистеру Эрроу. Я договорился с ним о встрече.

Ловкий человек жил в самом центре Бристоля на улице Дейкер-стрит.

Друзья быстро отыскали его квартиру. Открыл им сам мистер Эрроу. В гостиной он показал на свою дымящуюся трубку и спросил скрипучим голосом:

– Не помешает ли вам мой дым, джентльмены?

– Не беспокойтесь, – ответил капитан и сразу перешёл к делу: – Я к вам по поводу двойного убийства. Миссис Белью и её служанки. Я полагаю, вы слышали об этом. В любом случае я намереваюсь вас нанять для расследования этих убийств. И, конечно, дело это совершенно конфиденциальное.

На длинном и узком лице мистера Эрроу поднялись в недоумении брови.

Капитан объяснил:

– Я думаю, что эти два убийства связаны с убийством Мэри Сквайерс, горничной миссис Трелони. А оно, в свою очередь, я уверен, тесно связано со смертью мистера Трелони, моего нанимателя.

Ловкий человек поднял на него холодные колючие глаза и задумчиво произнёс:

– Представьте, у меня сложилось такое же впечатление. По роду своей деятельности я всегда стараюсь быть в курсе всех происшествий в Бристолле. Видел я и тело горничной Сквайерс... И считаю, что убил её человек, прекрасно владеющий левой рукой. Видите ли, несмотря на то, что такой удар ножом, как разрез трахеи, принято считать горизонтальным – это не совсем так. При ближайшем рассмотрении некоторые отличия в правом и в левом ударе всё же есть. Это прекрасно может нам пояснить ваш спутник. Вы ведь художник, мистер Чиппендейл?

И Эрроу посмотрел на Томаса, который ответил несколько смущённо:

– Вы совершенно правы, сэр. Горизонтальные движения руки по полотну или бумаге очень трудно сделать ровными. Правша, при быстром движении карандаша слева направо обязательно уведёт руку вниз, а левша при движении справа налево точно так же опустит линию. И диагонали на картине считаются неравнозначными.

Всё время, пока Томас говорил, Эрроу улыбался, не отрываясь, а в конце сказал, как прокаркал:

– Режущий удар по горлу обычно приводит к смерти из-за сильной кровопотери и травмы гортани, трахеи и пищевода... При рассечении сонной артерии, смерть наступает очень быстро, так как мозг лишается питания кровью. Удар нашего убийцы был мастерский, ниже кадыка. И хотя этот разрез на шее, конечно, небольшой, но рука убийцы всё равно произвольно пошла вниз, и в первый, и во второй раз. И пошла она вниз справа налево. А соответственно, мы имеем дело, опять же, с левой.

– Больше вы ничего не обнаружили? – спросил капитан.

– Нет, – ответил Эрроу так быстро и прямолинейно, словно он не был англичанином, склонным, как и все истинные англичане, всеми силами избегать категоричных утверждений и отрицаний.

Капитан внимательно взгляделся в него. Спросил:

– А скажите, мистер Эрроу, не было ли надето на миссис Белью каких-нибудь украшений?

– Насколько я знаю, никаких украшений ни на самой женщине, ни в комнате не было. Возможно, украшения были похищены. Только непонятно, зачем надо было привязывать миссис Белью к стулу? Может, преступник или, я допускаю даже, преступники хотели от неё что-либо узнать?

– На миссис Белью мог быть браслет. На ней самой или в спальне – она с ним никогда не расставалась. Серебряный браслет с чернью и канителью, очень пышный и витиеватый, с тремя крупными негранёными изумрудами под цвет её глаз...

Брови Эрроу опять удивлённо пошли вверх. Заметив это, капитан твёрдо добавил:

– Этот браслет подарил ей я.

Эрроу ответил не сразу.

– Мне кажется, такого браслета в доме не было, – проговорил он, затянулся трубкой и выпустил дым. – И его не могли украсть слуги – тело, то есть, тела были обнаружены самим мистером Белью... Но этот браслет, конечно, может быть ниточкой. Я спрашиваю у городских ювелиров, возможно им кто-нибудь и принесёт на продажу такую ценную вещь. Конечно, было бы правильнее о пропаже браслета дать объявление в газете, но... Учитывая всю деликатность дела...

Ловкий человек развёл длинными руками.

– Да, спрашивайте, – согласился капитан. – Я уверен, что где-то что-то да всплывёт. Во всей природе только океан не хранит следов.

Он договорился с Эрроу о цене и заплатил вперёд, не взяв расписки. Потом друзья ушли.

Но даже после их ухода мистер Эрроу не позволил себе расслабиться. Он походил какое-то время в задумчивости по комнате, потирая бритый подбородок.

– Однако, капитан Линч – очень умён, с ним надо быть поосторожнее, – пробормотал он и внезапно, словно на него нашло озарение, остановился и воскликнул: – Но, боже мой!.. Мне-то что теперь делать?

Он рухнул в кресло, положил ногу на ногу и закрыл глаза.

Перед ним стояла непростая дилемма: сегодня ему надо было сделать два доклада о встрече с капитаном Линчем. И два доклада – разным своим нанимателям, причём доклады противоположного содержания. Одному, бристолюскому нанимателю – устный доклад, а дальнему нанимателю – письменный. В одном докладе он должен был сообщить о серебряном браслете с тремя изумрудами, в другом – нет. И сейчас мистер Эрроу мучительно соображал, какого нанимателя ему выбрать. Он побарабанил пальцами по подлокотнику, внезапно распахнул глаза и передёрнул плечами от ужаса, вспомнив хищное, страшное лицо своего дальнего нанимателя. Ему-то мистер Эрроу и решил, в конце концов, доложить о браслете.

– Чёрт бы побрал мою жадность, – простонал он и медленно, словно бы нехотя, поднялся из кресла и присел к столу, жмурясь и собираясь с силами, чтобы написать это проклятое письмо.

Этим же вечером тщательно зашифрованное письмо ловкого человека тайными каналами ушло в моря Вест-Индии.

Капитан не мог подойти к дому Меган Белью, видневшемуся на пригорке.

Вокруг дома стояла такая непролазная чаща леса, что он не мог найти проход не только к дому, но даже к гаражу. Он перелезал через какие-то тёмные буераки, мокрые овраги, крупные ямы, мелкие рывины и узкие извилистые траншеи, чёрная прелая земля под ним осыпалась, он спотыкался, сползал на мокрых камнях, но упорно карабкался, цепляясь исцарапанными в кровь руками за корни растений, мелкие, крупные и не очень, и они обрывались в его руках, а ветки деревьев хлестали по лицу, осыпая холодными, пронизывающими до костей брызгами... Непроходимая чащоба из стволов и сучьев не пропускала его к дому.

А дом стоял на пригорке, светлый, сияющий, лучезарный, и капитан видел каждый его кирпичик, каждую крохотную трещинку. Двери дома были распахнуты настежь, они манили, звали войти, а он всё не мог этого сделать, как ни старался, и всё ходил и ходил по лесу кругами, и тогда он заплакал, застонал от отчаяния и проснулся...

Проснулся он почему-то с осознанием того, что ловкий человек мистер Эрроу ничего не узнает о смерти Меган Белью, как и о смерти судовладельца Трелони и его служанки. Или не захочет узнать. Будущее показало, что в своих предчувствиях он был прав.

А сейчас, закрутившись в суматохе будней, капитан решил, что ловкий человек просто не смог сыскать концов в этих преступлениях.

Глава 4. Звуки музыки над гаванью

...каждый картограф знает, что местонахождение любой точки на поверхности Земли определяется координатами – широтой и долготой, которые измеряют в градусах. Более мелкие деления – это минуты и секунды, но мелкие они, конечно, относительно, потому что длина одной минуты долготы или одной минуты широты равна одной морской миле и составляет целых 1852,3 м.

Каждый картограф знает, что морская миля является основной единицей, принятой для измерения расстояний на море, и её величина зависит от диаметра Земли, потому она и получается дробная. Величина 1 минуты на карте, как известно, зависит от широты и наименьшее её значение будет у экватора, а наибольшее – у полюсов...

Поэтому капитану так важно было иметь полные координаты места с сокровищем – и минуты, и секунды, и градусы. Ещё он понимал, что, даже зная все эти цифры, отыскать точное место на карте будет весьма и весьма непросто, потому что старые географические карты страдали обидной, но вполне понятной неточностью. Тем не менее, используя последние данные морских экспедиций, он смог заполнить «белые пятна» в своей таблице.

На следующий день, когда он и Томас пришли в дом миссис Трелони, там их уже с нетерпением ждали: мистер Трелони – сгорая от нетерпения, миссис Трелони – потому что эта тема с некоторых пор волновала её необычайно, а Сильвия... Мисс Сильвия готова была слушать капитана вечером, тёмной ночью, ненастным утром и погожим летним днём, даже если бы тот рассказывал им про устройство британского парламента. А что?.. Разве капитан был плохой рассказчик?

И сейчас капитан разложил перед собой на столе таблицу и с удовольствием потёр ладонью об ладонь.

– Ну, так вот, – сказал он, сияя удивительно голубыми глазами. – А теперь, дамы и джентльмены, я объясню вам, что же мы такое получили с нашими координатами... Потому что определение координат до сих пор служит камнем преткновения в мореходном деле.

Тут он остановился и внимательно посмотрел на собравшихся.

Дядя Джордж сидел нога на ногу, откинувшись на спинку кресла и вцепившись побелевшими пальцами в его подлокотники – верхняя нога его подёргивалась, причём подёргивалась в каком-то прихотливом ритме.

Миссис Трелони слушала капитана, облокотившись рукой на подлокотник своего кресла и покусывая ноготь, что случалось с нею частенько в последнее время.

Томас стоял у окна, сложив руки на груди, и с обычной странной улыбкой своей глядел на него.

А Сильвия... Сильвия подвинулась на краешек сидения, вся подалась вперёд, вся – внимание, с широко распахнутыми глубокими глазами и полуоткрытым ртом, при этом полная нижняя губка её, словно, стала ещё полнее и ещё обворожительнее.

У капитана заныло сердце.

– Тогда попробую обойтись без вступления. Скажу прямо, – произнёс он и посуровел лицом. – По этим испанским координатам ничего нельзя найти.

Если бы вместо этих слов в потайной комнате разорвалась вдруг бомба, то и она не произвела бы того разрушительного действия, которое произвели на собравшихся его слова.

Дядя Джордж вскочил и опять уцепился за свой парик, миссис Трелони, наоборот, вся обмякла в своём кресле, откинувшись на его спинку, Томас расцепил руки, сделал шаг к капитану и смотрел на него теперь уже удивлённо, без улыбки. А Сильвия... Мисс Сильвия, казалось, словно очнулась и недоумённо оглядывала окружающих, собираясь что-то спросить.

Только этого никто не заметил, потому что опять поднялся крик, и громче всех кричал дядя Джордж.

Капитан поднял руку и стоял так, пока шум, наконец, не стих. Потом он проговорил:

– Ну, я же поэтому и рассказываю вам так долго и нудно, чтобы вы поняли: с одними координатами ничего найти нельзя. Вы ещё подумайте, о несовпадении навигационных инструментов того времени и нашего... Ведь тогда по астробии ходили! Ведь прошло двести лет! А вы знаете, что старинные испанские картографы отсчитывали долготу от меридиана города Толедо? Да мы без описания маршрута и местности промахнёмся на несколько миль, если не больше. Так и будем ходить вокруг нужного места и никогда его не отыщем! А разница в скорости кораблей? Вы понимаете, что такое искать в океане остров, когда ни черта не ясно?.. Ах! Если бы тут были моряки, меня бы сразу поняли!

По мере того, как капитан говорил это, он словно бы сердился всё больше и больше. В конце своего монолога он стоял уже весь напряженный и оцетинившийся. Увидев это, все притихли, а дядя Джордж робко спросил:

– А что же делать?

– Нам нужно описание курса корабля... А лучше описание местности, – ответил капитан. Он полез в сундук, порывшись в нём, достал кусок гобелена и подошёл к окну. Пробормотал:

– Вот хотя бы что-нибудь такое... Ага!

Все ринулись к капитану, а он улыбнулся, причём глаза его стали совсем уже необыкновенного голубого цвета, и проговорил:

– Не знаю, относится ли этот гобелен к делу, но на нём видна как бы маленькая пометочка. Вот, посмотрите сюда.

И он по очереди показал всем тонкую золотную нить, которая почти совсем незаметно, маленьким пятнышком, была вплетена как раз в середине водопада.

Тут в комнату вошёл дворецкий Диллон, непостижимый в своём величии, и доложил, что к миссис Трелони с визитом пришёл лорд Грей. Миссис Трелони ахнула, но, тут же, став олицетворением английской невозмутимости, сказала:

– Простите, господа, я отлучусь... А сюда я попрошу подать чай.

На пороге комнаты она обернулась, причём лицо её приняло совсем уж просительное выражение, и прошептала жалобно:

– Только ничего без меня не предпринимайте... Сильвия, дорогая, займись гостями.

И вышла.

Миссис Трелони шла в гостиную, вся сгорая от нетерпения.

Во-первых, приход лорда Грея оторвал её от исключительно важного дела, во-вторых, ей было интересно узнать, зачем тот пожаловал, а в-третьих, её уже давно мучил вопрос, с какой целью лорд Грей нанёс визит её мужу в тот страшный для всей семьи день. Ах, да что же это такое!..

Мы уже познакомились с лордом Джоном Греем в день похорон мистера Трелони, хотя и недостаточно близко.

Это был высокий стройный мужчина тридцати лет с красивым породистым лицом и холодными голубыми глазами. Во всём его облике внимательный наблюдатель сразу бы отметил ту непоколебимую внутреннюю убеждённость, впрочем, наверное, общую для всех английских аристократов, в том, что все его желания, высказанные вслух и даже невысказанные, должны быть непременно исполнены окружающими или самой судьбой. Человек он был умный, начитанный, большой поклонник английской литературы и, в частности, сатиры Джонатана Свифта.

Джон Грей с двенадцати лет был записан в английский флот, с восемнадцати уже плавал, а сейчас служил первым помощником капитана на 28-пушечном фрегате Его Величества

«Стремительный». Этот военный корабль находился теперь на стоянке в Бристоле по какой-то срочной надобности, нам совершенно, впрочем, не важной.

Когда миссис Трелони вошла в гостиную, лорд Грей встал, подошёл к ней и поцеловал поданную руку. Миссис Трелони выразила радость по поводу его прихода и просила садиться. Они сели и заговорили о непостижимости английской погоды: только утром небо хмурилось, и собирался идти дождь, а сейчас, смотрите-ка, светит солнце, но совершенно не понятно, как долго это продлится... Затем хозяйка и гость справились о состоянии дел и здоровья друг друга. При этом они говорили так тихо и невыразительно, словно каждый из них в одиночестве, сам с собою, выражал мысли вслух.

А потом случилось непостижимое: лорд Грей неожиданно встал и заговорил совершенно на другую тему, и миссис Трелони вдруг поняла, до какой степени тот взволнован и, возможно, даже страдает от какого-то своего внутреннего и глубоко запрятанного беспокойного томления. Она напряглась, собралась с мыслями и вслушалась в по-прежнему бесстрастный голос гостя.

– Как вы знаете, миссис Трелони, я приходил к вашему мужу в тот несчастный день его смерти, – сказал Джон Грей и, не дожидаясь утвердительной реплики хозяйки, продолжил: – И как вы знаете, я холост... Я приходил к нему, чтобы просить руки вашей дочери, мисс Сильвии.

Лорд Грей остановился, и миссис Трелони от неожиданности спросила его прямо, в лоб:

– И что вам ответил муж, милорд?

– Он мне ответил, что сам он очень рад и почтёт за честь, но ему надо поговорить с дочерью, и что она может иметь собственное представление о браке, и что с этим, в силу её характера, придётся считаться, – ровным голосом, без малейшей запинки произнёс гость. – Миссис Трелони, я люблю вашу дочь и мечтаю, чтобы она стала моей женой... Моё состояние достаточно велико, и я смогу сделать её счастливой. Я прошу у вас её руки.

Лорд Грей опять остановился, несколько в замешательстве. Миссис Трелони пришла ему на помощь и сказала:

– Я вам отвечу то же, что и покойный муж. Сильвия – такая гордая... С нею порой бывает трудно ладить... Но я сама не хотела бы ей другого мужа, кроме вас, милорд.

Тут она тоже встала. Сказала взволнованно:

– Я поговорю с дочерью. И извещу вас, милорд.

Она протянула руку, которую лорд Грей почтительно поцеловал. Потом проводила гостя до дверей прихожей, вернулась в гостиную и рухнула в кресло в потрясении.

Такое даже во сне ей присниться не могло! Лорд Грей! Подумать только! Чувствуя жар на лице, она поднялась и посмотрелась в зеркало, висящее по французской моде над камином: всё лицо было в красных пятнах. Боже мой! Ей надо умыться и как-то собраться с мыслями! И вернуться к гостям... Сегодня необыкновенно насыщенный день, исключительно необыкновенный!

Она умылась и опять глянула в зеркало – краснота не проходила и стала, как бы, ещё больше. У неё явно был жар, мысли путались, в голове чувствовалась тяжесть, словно её сдавило обручем. Неужели она заболела? Ах, как это не вовремя!.. Миссис Трелони вызвала дворецкого и приказала послать за доктором, а Сильвию просить, чтобы та извинилась перед гостями. И миссис Трелони направилась к себе, полная трепета и мучительных сомнений – она ничем больше не могла уже сегодня заниматься. Просто не могла!

Когда дворецкий Диллон, постучав, заглянул в комнату к гостям, он обнаружил там пьющих чай в тягостном молчании мисс Сильвию, капитана Линча и Джорджа Трелони. Мистера Чиппендейла не было, что совсем не удивило дворецкого, он скорее был поражён, что тот все последние дни, вместо того чтобы трудиться в мастерской, находился с господами... «Наверное, пошёл, наконец-то, работать», – подумал дворецкий про себя, но только подумал, внешне он был безупречен.

Он вызвал мисс Сильвию за дверь лёгким покашливанием и движением бровей, а когда та вышла, передал просьбу хозяйки.

Сильвия вернулась в комнату и сказала, что маме нездоровится, что она удалилась к себе и что за доктором уже послали. Мистер Трелони всполошился, простился с капитаном и побежал к родственнице.

Капитан встал, чтобы тоже уйти, но Сильвия умоляюще сжала на груди руки и сказала неожиданно даже для себя самой:

– Капитан Линч, я прошу вас остаться. Мне надо с вами поговорить.

Она прошла к окну, повернулась и встала, держась сильной рукой за подоконник и борясь с волнением.

Капитан опять поразился её лицу, его трагической красоте, на которую невыносимо больно было смотреть и, главное, поразился решительности вида девушки: чувствовалось, что с нею произошёл надлом, она будто была не в себе сейчас – с такими глазами в омут бросаются.

Сердце его опять зануло. Между тем, Сильвия продолжила:

– Я попросила вас остаться, так как считаю, что лучше выяснить всё сразу. Я хочу вам сказать, что вы измучили меня. Я от вас как больная, как не в себе все эти дни.

Она замолчала и подняла на него глаза. И столько нежности прочитала она в его взгляде, что задрожала и судорожно вздохнула, да так и не смогла выдохнуть – спазм сдавил ей горло. Мучительно выговаривая слова, она прошептала:

– Скажите... Вы любите меня?

Капитан был не новичок в сердечных делах. Не одна госпожа или служанка замирала в его объятиях, когда он шептал ей на ушко о своём сердце, которое забилось учащённо при одном только появлении прелестницы. Но сейчас его сердце колотилось, как обречённое, оно готово было разорвать ему грудь, а он, между тем, не мог вымолвить ни звука.

Пауза затягивалась и становилась ужасной.

Сильвия в смятении судорожно сжимала руки. Она так пристально, с таким надрывом смотрела на капитана, что в её глазах вокруг его синей фигуры пошли жёлтые круги, словно ореол какой – ей казалось, что вот сейчас, в эту самую минуту решается страшное, словно гибнет безвозвратно сама жизнь её.

Наконец, капитан поклонился и молча вышел из комнаты.

Дверь за ним закрылась, как показалось Сильвии, навсегда.

– Боже мой! Что я наделала! – с ужасом прошептала она. – Я всё испортила!.. Я всё испортила!

Она остановилась посреди комнаты, ничего не видя перед собой.

– Но как же так? – вскричала она и тут же себя перебила: – Ах, нет! Он, наверное, просто не любит меня!.. Какая же я смешная! Как он, наверное, веселится!

Она заметалась по комнате, всё больше и больше погружаясь в бездну отчаяния.

А капитан шёл по улице, качаясь как пьяный, не разбирая дороги, и словно даже не сознавая, куда он идёт. Несколько раз от него отскакивали прохожие, несколько раз он всё же задевал кого-то, наверное, потому что сзади раздались ругательства. Потянувшийся к нему, было, нищий отпрянул и смолк, встретив его взгляд – воспалённый, безумный взгляд налитых кровью глаз. Капитан быстро шёл, потом внезапно остановился, словно приходя в себя, осмотрелся по сторонам и повернул направо.

Дойдя до тёмной двери второго от перекрёстка дома, он пару раз стукнул в дверь молотком, а потом застучал вдруг много, часто, неистово. За дверью раздался встревоженный голос:

– Кто там?

– Это я, Шэрон, открой, – ответил он хрипло.

Послышался лязг замка. Всё время пока открывали, капитан стоял, привалившись рукой к двери, словно ему нестерпимо больно было держаться на ногах. Дверь отворилась. В проёме темнела фигура женщины, покрытая шалью. Он шагнул внутрь, стиснул женщину в объятиях и, задавив её вскрик поцелуем, пинком ноги закрыл за собой дверь.

Через три четверти часа капитан вышел и медленно, прибито побрёл в порт, а Шэрон осталась одна на смятой и жаркой постели. Она лежала и, отвернув голову к стене, плакала от обиды на судьбу и на прошедшую уже молодость.

А ещё потому, что она безумно, безумно любила капитана Линча.

Вечерело, садилось солнце, и наступало то время, когда над тихим морем особенно слышно разносятся звуки.

Вот и сейчас по всей гавани со шхуны «Архистар» плыли звуки охотничьего рожка, и были они до того тоскливые, что окрестные собаки начали подвывать и поскуливать, а у разбитных портовых торговков выступили на глазах слёзы. А ведь эти дамочки известны тем, что их никогда невозможно разжалобить никакими мольбами и никаким убожеством просящего! Портовые мальчишки притихли. Все в порту поняли: капитан Линч пребывает в меланхолии и играет на своём охотничьем рожке.

Капитан очень редко и как-то всегда неожиданно начинал вдруг играть на этом, теперь почти забытом всеми, кроме музыкантов, конечно, инструменте. И в выборе капитаном этого инструмента нет ничего оригинального, дорогой читатель. На охотничьем рожке любил играть ещё король Людовик XIII, тот самый, жене которого, королеве Анне Австрийской, так преданно служили четыре мушкетёра, воспетые самим Александром Дюма.

Английский рожок выступает в оркестре почти всегда «соло». И эта заброшенность и покинутость его в оркестре неизменно создаёт ощущение чего-то очень далёкого и забытого, чувство одиночества почти горестного. Голос рожка – задумчивый, грустный, мечтательный и достаточно возвышенный для того, чтобы обратить на себя должное внимание.

И эта звучность таит в себе нечто щемящее, отдалённое, что делает рожок в оркестре предпочтительным перед другими инструментами, когда у композитора возникает необходимость растрогать, пробуждая в душе образы давно минувшего.

Утром капитан первым делом написал с десяток писем.

Всю ночь он твердил себе, что любовь такой чистой и юной девушки, как Сильвия Тре-лони – не для него, не для человека, обременённого страшной тайной. А на рассвете, чуть склонив голову на подушку, он уже проснулся и встал с совсем другими мыслями. Может, ему что-то снилось во сне, он не помнил, – голова сейчас была дурная, как после попойки, – но проснулся с пониманием, что надо бороться. За свою любовь, за своё будущее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.